

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

МНОГОЛИКОЕ ЗЛО

САМОЕ ПЕРВОЕ ДЕЛО
РОЯ ГРЕЙСА
И ДРУГИЕ ЗАПУТАННЫЕ
ИСТОРИИ

ПРОДАНО **17 000 000** ЭКЗЕМПЛЯРОВ
INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Annotation

По воле автора мы встречаемся с его теперь уже легендарным героем Роем Грейсом в то время, когда тот приступает к самому первому своему расследованию. Предстоит выяснить, кто похитил из особняка пожилой семейной пары собрание антикварных изделий из серебра и еще более ценную коллекцию марок. У молодого следователя пока мало опыта, но ему не потребуется много времени, чтобы изобличить хитроумного преступника. В книге немало запутанных, а порой и леденящих кровь историй. Зло в самых разных его проявлениях и расплата порой совсем неожиданная...

Питер Джеймс

Многоликое зло

Copyright © Really Scary Books / Peter James 2014

© Перевод, «Центрполиграф», 2017

© Издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

Посвящается Уэйну Бруксу — суперзвезде

Предисловие

Самой немногословной перепиской в истории стали послания Виктора Гюго и его издателя, которыми они обменялись во время представления им рукописи «Отверженных». В письме автора был лишь знак вопроса, и ничего более. Издатель ответил столь же коротко — восклицательным знаком. Лаконично, однако как много можно разглядеть за этими двумя знаками препинания.

Самый короткий рассказ в истории — весьма печальный — состоял всего из шести слов, его приписывают перу Эрнеста Хемингуэя: «Продаются пинетки для малыша. Совсем новые».

Мне всегда нравилась фраза: «Лучше меньше, да лучше».

Бенджамин Франклин является одним из предполагаемых авторов следующих строк: «Прошу простить, что написал Вам столь длинное послание, будь у меня время, выразился бы короче».

Я точно знаю, что имелось в виду, и уверен: то, о чем умолчали, не менее важно, чем высказанное. Создавая фантастические романы, писатель подталкивает к творчеству и читателя. Чудовища, которых он или она создадут в своем воображении, могут оказаться страшнее, чем задумал автор. В детстве я видел людей, которых охватывала похоть во время прочтения страниц романа Дэвида Герберта Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей». Перечитывая сегодня эти строки, написанные красиво и сильно, я не вижу ничего грубого, как и описания подробностей полового акта, — все это было лишь в умах, в их сознании и очень далеко от того, что хотел сказать Лоуренс.

Мне всегда нравился жанр коротких литературных произведений. Впервые поощрительные отзывы, подтолкнувшие меня к творчеству, я получил в подростковом возрасте, когда победил в конкурсе с рассказом «Рождество в детстве» и должен был прочитать его в эфире на радио Би-би-си Суссекса. Но он не подходил им по формату и по теме, потому не был включен в программу, однако позже я его напечатал...

Я люблю шокирующие и неожиданные повороты сюжета, создание этого сборника дало мне возможность охватить весь спектр тем. Мне пришлось бы потратить несколько лет, чтобы осветить их в романах. Кажется, такой формат подходит им больше. Как и на многие мои романы, на эти рассказы меня вдохновили события реальной жизни. Некоторые из них сверхъестественные, вызывают тревогу и порождают мрачные мысли, а иногда по-настоящему шокируют.

«Курение убивает» — одна из самых коротких историй, которые я когда-либо написал. Идея пришла ко мне после прочтения статьи в газете об осужденном на смертную казнь на электрическом стуле преступнике из Техаса, которого спросили, есть ли у него последнее желание. «Я бы хотел выкурить сигарету», — попросил он и получил вежливый ответ: «Извините, сэр, но в этой камере исполнения наказаний не курят».

Появлению рассказа «Уроки живописи» тоже предшествовали реальные события. Они произошли в 1962 году с отцом моего друга, известным владельцем галереи в Мейфэре. Одной итальянской графине срочно потребовалось продать баснословно дорогую коллекцию работ импрессионистов, чтобы оплатить реконструкцию палаццо, находящегося в плачевном состоянии и уже разрушавшегося. У нее не было никаких шансов получить разрешение от властей на вывоз картин, поэтому лондонский торговец придумал хитрый план. Это была

душераздирающая история о том, как избалованная леди из благородной семьи фактически стала на время преступницей. И в ней вы тоже найдете немало неожиданных поворотов.

Мой добрый друг Доминик Уокер был когда-то епископом Рединга, а совсем недавно, до выхода на пенсию, епископом Монмута. Был у него и еще один титул, о котором он предпочитал умалчивать, — главный экзорцист англиканской церкви, их еще называют заклинателями.

В англиканской и католической церкви в каждой стране есть должности главных экзорцистов. Их роль заключается в помощи каждому заблудшему сыну, с которым произошло нечто, не поддающееся объяснению, в том случае, когда викарий или священник бессильны. Доминик Уокер всегда был объективным и справедливым. Выросший в семье медицинских работников — его отец был врачом, а мать медсестрой, — он получил классическое образование, а также степень по психологии. Доминик не раз признавался мне, что не всегда согласен с библейской концепцией Бога. У него был огромный опыт в представлении весьма прозаического объяснения, казалось бы, сверхъестественным явлениям. Прежде всего он стремился доказать, что призраков не существует, нежели подтвердить обратное. Он нередко помогал людям, считавшим, что они стали одержимы дьяволом после спиритических сеансов. По его мнению, спиритические сеансы позволяют человеку заглянуть в глубь себя и выпустить самые темные мысли — внутренних демонов, — ранее запертых в потаенных тайниках души.

В этой связи я спросил Доминика, случалось ли ему сталкиваться с чем-то сверхъестественным, чему он не нашел объяснения. Он ответил, что дважды — один раз в случае смерти ребенка, а второй была автомобильная авария. Эти истории легли в основу рассказов «Ночной сюрприз» и «Портрет призрака». После опыта жизни в двух домах с призраками, когда я все видел своими глазами, услышав рассказы друзей и членов семьи, я окончательно уверился, что привидения существуют. Я знаю, что они есть, но не понимаю, что это. Первая встреча с ними, испугавшая меня невероятно, описана в рассказе «Мой первый призрак». Самое же страшное событие такого рода я храню в памяти уже тридцать пять лет. Я всегда любил плавать на яхте, и во время одного путешествия к красивейшему греческому острову мы остановились в бухте Фискардо, где одна пожилая, но чрезвычайно бодрая дама помогла нам, поймав швартовый. Ей явно было одиноко, и она пригласила нас выпить на ее яхте в сорок футов, стоящей у причала недалеко от нас. Она и рассказала мне то, что я с ужасом вспоминаю и по сей день. Это была история из ее жизни о том, как они с мужем мечтали уйти на пенсию и отправиться в путешествие вокруг земного шара на своей яхте. В конце концов ей пришлось наблюдать, как птицы расклевали труп ее мужа до костей. Об этом вы прочтаете в рассказе «Самое время выпить, или Солнце над нок-реей». Порой кажется, что такое может присниться лишь в кошмарном сне. Что ж, сладких вам снов!

Питер Джеймс

Суссекс

Болингброк-авеню, 12

Симпатичный, рассчитанный на две семьи дом в стиле Тюдоров с вишневым деревом у входа и маленьким бассейном для птиц с каменным бортиком. На первый взгляд ничего в нем не могло вызывать ужас, как бывало всякий раз, стоило Сьюзен Миллер его увидеть.

«Номер 12» — белые буквы на дубовой двери. Бронзовый молоточек. В отдалении слышен шум моря. Она шла вверх по тропинке, набирая скорость, и вскоре была уже у дома, притягивающего ее словно магнитом. Страх усилился, когда она подняла руку и позвонила.

— Сьюзен! Сьюзен, дорогая! Все хорошо. Все хорошо!

В голове затихал глухой скрежет; она широко распахнула глаза. Глотнув воздуха, взгляделась в темноту спальни.

— Прости, — хрипло прошептала она. — Это сон. Сон.

Недовольно поворчав, Том вернулся в прежнее положение и через мгновение уже спал. Сьюзен лежала без сна, прислушиваясь к шуму нескончаемого потока машин, несущегося по трассе М-6 мимо Бирмингема, и по жилам растекался ледяной страх. Боясь заснуть, она встала и подошла к окну. Отодвинув край шторы, принялась вглядываться в ночь; край горизонта был скрыт огромными светящимися буквами ИКЕА. Сон повторялся все чаще. Впервые она увидела его десять лет назад прямо под Рождество, в сочельник, и долгое время это случалось довольно редко, теперь же с периодичностью несколько недель.

Вскоре октябрьская прохлада заставила ее вернуться в постель. Прижавшись к телу Тома, не отреагировавшего на ее прикосновения, она закрыла глаза, зная, что, как и прежде, кошмар вернется и этому она не в силах противостоять.

Вечер перед Рождеством. Сьюзен вбежала в дом, нагруженная пакетами с наспех сделанными покупками и подарками для Тома, которые, она надеялась, его развеселят; в последние дни он редко улыбался. Их машина стояла на своем месте, но в доме на ее оклики никто не отозвался. Озадаченная, она стала подниматься вверх, повторяя его имя. Открыв дверь спальни, сразу услышала скрип пружин и шуршание белья. Две обнаженные фигуры на кровати одновременно повернули голову в ее сторону. Удивленные лица, распахнутые глаза, смотрящие так, будто она вор, не имеющий права здесь находиться.

Люди были ей незнакомы. Женщина с длинными рыжими волосами и седой мужчина занимались любовью в ее постели, в ее спальне. В ее доме.

Вместо того чтобы остановить их, Сьюзен смущенно попятилась, будто действительно не должна была сюда вторгаться.

— Простите, — пролепетала она. — Простите, но я...

В следующую секунду она проснулась. Рядом Том зашевелился и пробормотал что-то во сне.

Сьюзен легла на спину и вытянулась. Господи, теперь ей стало ясно — сон становится все более реалистичным и ярким. Недавно она наткнулась на статью в журнале о толковании снов и принялась размышлять, что бы этот мог означать.

Проблема в том, что у нее в голове путаница. Последние дни она часто впадала в прострацию, терялась во времени. Случалось, начинала что-то делать по дому, а через несколько минут вспоминала, что уже сделала это, причем совсем недавно. Или неслась в магазин купить то, что стояло на полке. Стресс. В другом журнале она читала о влиянии

стресса на человека — знания она в основном черпала из журналов, — там упоминалось, что стресс может вызвать спутанность сознания. Источник стресса тоже был ей известен. Мэнди. Новая секретарша в уолсоллском филиале Строительного общества Честера и Норд-Иста, где Том служил заместителем управляющего. Около года назад Том сообщил ей, что Мэнди будет у них работать, и с тех пор не сказал о ней ни слова. Сьюзен видела, как они мило беседовали на прошлогодней рождественской вечеринке, куда сотрудников пригласили со второй половиной. И говорили они слишком долго, на что невозможно было не обратить внимания. И еще слишком часто переписывались по электронной почте.

Сьюзен не представляла, что ей делать. В свои тридцать два года она хорошо выглядела благодаря диете и регулярным занятиям аэробикой. Она заботилась о волосах, делала красивую короткую стрижку, уделяла должное внимание макияжу и одежде. Выбор был невелик, если отбросить вариант с предъявлением Тому претензий, что поставит ее в глупое положение. К тому же Сьюзен сдерживало предписание врача всегда сохранять спокойствие. Она бросила работу для того, чтобы пребывать в уравновешенном состоянии и повысить шансы зачать ребенка, что они пытались сделать последние пять лет.

Главное — сохранять спокойствие.

Решение пришло само собой и неожиданно, когда Том вернулся домой вечером.

— Повышение? — переспросила она, и глаза ее заблестели.

— Да! Перед тобой второй самый молодой управляющий в истории Строительного общества Честера и Норд-Иста! Но, — добавил он, поколебавшись, — придется переехать.

— Переехать? Что ж, я совсем не против, милый! — А про себя подумала: «Куда угодно. Чем дальше, тем лучше. Чтобы рядом не было этой чертовки Мэнди». — И куда же мы переезжаем?

— В Брайтон.

Сьюзен поверить не могла в такую удачу. Будучи совсем молодыми, они ездили с Томом на выходные в Брайтон; там смогли впервые остаться наедине. Кровать в маленьком отеле нещадно скрипела, и с нижнего этажа слышались возмущенные крики. Они затыкали рот простыней, чтобы не рассмеяться в голос.

— Мы будем жить в Брайтоне?

— Именно так!

Сьюзен порывисто обняла Тома.

— И когда мы едем? Скоро?

— Мне поручено возглавить филиал с наступающего года. Так что нам нужно скорее подыскивать дом.

Сьюзен произвела в уме быстрые подсчеты. Сейчас конец октября.

— Нам ни за что не успеть. Необходимо продать этот дом, а еще...

— Компания обещала помочь. Я переезжаю по их требованию, поэтому все расходы за счет фирмы, и мне выплатят единовременное пособие, так что мы сможем позволить себе купить более дорогое жилье. На следующей неделе у меня отпуск, сможем поехать туда и все посмотреть. Я уже разговаривал с нашей сотрудницей, которая занимается вопросами переселения, сообщил, каков наш бюджет, и она обещала поговорить с некоторыми местными агентами недвижимости.

Первое послание пришло через два дня. Они сидели в кухне и завтракали. Сьюзен

открыла конверт и достала содержимое. Пятнадцать предложений, но дома в основном были слишком дорогими. Несколько она отвергала после беглого просмотра, но один привлек ее внимание тем, что на первый взгляд подходил по основным параметрам. Уроdlивое здание, похожее на коробку, расположенное на берегу моря, к тому же с «небольшим, но очаровательным садом». Внезапно ее увлекла идея жить на море, но дом производил отталкивающее впечатление. Сьюзен подумала и решила, что большую часть времени человек проводит внутри дома, а не любителся им снаружи, поэтому отложила листок в сторону и принялась изучать следующий.

Увидев фотографию, она похолодела. «Не может быть, — подумала она, поднося ее совсем близко к глазам. — Это невозможно». Пальцы задрожали, а с ними и фотография дома на две семьи в стиле Тюдоров, в точности такого, какой она видела во снах.

«Совпадение, — решила Сьюзен, ощущая, как сжимается горло. — Так и есть. В мире тысячи домов, похожих на этот».

Болингброк-авеню, 12.

Она знала, что в ее сне на двери был указан номер 12, в том же сне издадека доносился до нее шум моря.

Могла она видеть этот дом, когда они раньше наведывались в Брайтон? Когда же это было? Лет четырнадцать назад? Допустим, она видела его раньше, но почему он так запомнился?

— Что-то стоящее? — спросил Том, взял листок с изображением современной коробки и внимательно прочитал. Затем, довольно грубо, выдернул из ее рук следующее предложение. — А этот очень симпатичный. И по цене нам подходит. «Требуется небольшой ремонт». Это значит, если мы сделаем его сами, дом значительно возрастет в цене.

Сьюзен согласилась посмотреть дом. Ей необходимо было это сделать, чтобы убедиться, что он совсем не похож на тот, из ее сна. Тому она об этом не сказала: он скептически относился к ее снам.

Агент сам отвез их. На нем был модный, с иголки костюм, белые носки, и от волос резко пахло гелем.

— Отличный выбор, — заявил он. — Самый востребованный район в Хоуве. Пять минут пешком до пляжа. Лагуна Хоув — лучшее место для детей. Кроме того, выгодное вложение. Немного усилий, и цена на дом значительно возрастет.

Свернув на Болингброк-авеню, он вытянул руку:

— Вот и он.

Сьюзен закусила губу, когда они остановились у дома номер 12. Во рту мгновенно пересохло, и начался озноб. Страх впивался в нее острыми когтями; такой ужас она испытывала только в своем сне. Единственным отличием была табличка «Продается». Уже из машины она разглядела вишневое дерево и бордюр маленького бассейна. И слышала шум моря. Никаких сомнений быть не могло. Никаких.

Сьюзен выбралась из автомобиля и, словно вернувшись в сон, пошла вверх по дорожке. Все оказалось так, как в ее сне. Подняв руку, она позвонила.

Через несколько мгновений дверь отворила женщина лет сорока, с длинными рыжими волосами. Придав лицу радушное выражение, она подняла глаза, но стоило ей увидеть Сьюзен, как улыбка исчезла. Теперь женщина стояла словно громом пораженная.

Сьюзен и сама была шокирована до глубины души. Ошибки быть не могло, это

определенно она.

— Бог мой, — выдохнула Сьюзен. — Вы та, кого я постоянно вижу во сне.

— А вы, — произнесла дама, с трудом выговаривая слова, — призрак, который посещает нашу спальню последние десять лет.

Сьюзен стояла, не зная, что делать. Волны страха рябью разносились по коже.

— Призрак? — наконец смогла произнести она.

— Вы очень на нее похожи, просто невероятно похожи. — Женщина с сомнением прищурилась. — Кто вы? Чем я могу быть полезна?

— Мы пришли посмотреть дом.

— Посмотреть дом? — Дама выглядела изумленной.

— Агент договаривался с вами о встрече. — Сьюзен обернулась, но не увидела ни Тома, ни агента, ни машины.

— Это какая-то ошибка. Дом не продается.

Сьюзен растерянно огляделась. Где они? Куда, черт возьми, пропали?

— Прошу вас, — повернулась она к женщине. — Тот призрак, на который я похожа... кто... кем она была?

— Я не знаю; никто из нас не знает. Десять лет назад этот дом купил управляющий строительным обществом. Здание тогда было в очень плохом состоянии. Этот парень убил жену прямо в сочельник и стал жить здесь со своей любовницей. В доме он сделал ремонт, а тело жены положил в фундамент и залил цементом. Через два года любовница не выдержала и обратилась в полицию. Вот и все, что мне известно.

— Что... что с ними стало?

Женщина смотрела как-то странно, будто уже не видела ее. Сьюзен почувствовала, как холодный ветер пробирает ее до костей. Она была сбита с толку. Где же Том? Где агент, который их привез? Она обратила внимание, что на заборе уже нет таблички «Продается». Она стояла на крыльце одна и смотрела на закрытую дверь. Номер 12. Белые буквы и цифры. Бронзовый молоточек. Затем ее потянуло внутрь, словно тем проклятым магнитом из сна, и она почувствовала, как проходит сквозь массивную дубовую дверь.

«Через секунду я проснусь, — подумала она. — Проснусь. Так бывало всегда».

Хотя уже понимала, что на этот раз все изменилось.

Номер тринадцать

353 дня в году — и 354 в високосный — Н.Н. Кеттеринг поставлял страх Божий в рестораны по всему миру. В оставшуюся дюжину дней он сам его испытывал.

Число.

Просто двухзначное число.

Тринадцать.

Одного вида этих цифр было достаточно, чтобы на лбу выступили капли пота. А лоб у него был широкий и обеспечивал место для целой колонии капелек пота.

Найджел Норберт Кеттеринг ненавидел оба своих имени. Начиная карьеру ресторанный критика в небольшой провинциальной английской газете, он решил, что некоторая степень анонимности будет весьма полезна — таким образом он давал себе возможность забыть свои имена. За два прошедших десятилетия Н.Н. Кеттеринг, бесспорно, стал одним из самых влиятельных ресторанных критиков во всей Англии, а в последние несколько лет орлиный глаз и тонкий вкус сделали его угрозой мирового масштаба.

Кеттеринг анализировал все, от него не ускользали даже мелочи. Помимо еды он обращал внимание на стол, за которым сидел, на качество бумаги, на которой было напечатано меню, на его разнообразие, на бокалы, посуду, скатерть, уровень и быстроту обслуживания. Это имело порой большее значение, чем сама еда.

Внимание к каждой детали, даже особенностям зубочисток, возвело его на самую вершину в профессии и поставило фамилию на одну из верхних строчек в списке людей, которых лучшие шеф-повара в мире мечтали увидеть мертвыми.

Ежедневные материалы, «Отчеты Кеттеринга», могли погубить или прославить новый ресторан или резко повысить репутацию существующего. Случалось, всеобъемлющий анализ Кеттеринга ставил заведение совсем не на ту позицию, что звезды Мишлен или баллы Го Мийо.

Разумеется, у него были фавориты: «Эль Булли» в Испании, пока он не закрылся, регулярно получал высшую оценку десять баллов. В этот же перечень входил «Френч Лондри» в Юнтвилле, Калифорния, «Фэт Дак» в Брее, «Вю дю Монд» в Мельбурне, «Розмари» на Сардинии и «Люк Ю Ти Хауз» в Гонконге за лучший дим-сам.

Но можно привести и огромный перечень заведений, возведенных другими критиками в ранг храмов гастрономии, однако получивших от Кеттеринга пренебрежительные три или даже два балла. Знаменитый французский шеф покончил с собой после того, как всего за год Кеттеринг понизил рейтинг его ресторана с девятого уровня до первого.

В нынешних жестких экономических условиях мало кто готов рисковать тратами и возможностью получить удовольствие от вечера, а потому все старались перед выходом свериться с последними оценками на сайте Кеттеринга.

Появления в дверях Н.Н. было достаточно, чтобы самый опытный метрдотель и уверенный в себе сомелье превращались в дрожащие желе. А когда шепот, сообщавший о его присутствии, достигал кухни, даже самый маститый шеф становился похожим на бессвязно бормочущую старую развалину.

Несколько лет назад тайну его личности раскрыла одна бульварная газета. Отныне не было нужды резервировать столик под вымышленными именами — в каждом ресторане в любой точке мира на стенде в подсобном помещении висела фотография Н.Н. Кеттеринга.

Кроме того, на него невозможно было не обратить внимание. Он был худым и очень высоким — несмотря на огромное количество съедаемого, — с яйцеобразной головой на тонкой длинной шее, круглыми глазами, кажущимися совсем маленькими за толстыми стеклами очков, и черными волосами, зачесанными вперед на высокий покатый лоб до самых бровей — подобие современного варианта монашеской тонзуры.

Одет он был всегда одинаково — в темный, безукоризненно сшитый костюм, белую рубашку и красный или малиновый галстук; спину всегда держал идеально ровно, будто к подкладке пиджака была прикреплена длинная линейка. Один владелец знаменитого лондонского ресторана отметил, что он просматривает меню, впившись в него глазами-бусинками так, будто смотрит в перископ подводной лодки. К большому счастью того смельчака, Н.Н. Кеттеринг не слышал этой фразы.

Разумеется, свои вкусы он также научился скрывать. После появления в меню «Фэт Дак» каши из улиток он составил на двух страницах хвалебный отзыв, включающий оду талантам шефа Хестона Блюменталья. На следующий год он посвятил три страницы одному блюду «Эль Булли», творению Феррана Адриа, — устрицам с сырыми кроличьими мозгами в маринаде.

Его требования к уникальности блюда и безупречному вкусу постоянно росли.

В отличие от остальных ресторанных критиков Н.Н. Кеттеринг не нанял помощника. Он обедал и ужинал в разных ресторанах семь дней в неделю. Еда была для него жизнью. Он не был женат, не завел даже подругу — или друга. По счету он всегда платил новыми хрустящими банкнотами и никогда ничего не принимал бесплатно.

Также никогда не оставлял чаевые.

Он был уверен, что с честью выполняет свою миссию. Будто его послали на планету, дабы блюсти стандарты ресторанного питания. Его семьей были рестораны, рецензии стали детьми.

На заре карьеры в одном из редких интервью он заявил: «За ужином важны два человека — я и хороший официант».

Однако тринадцатого числа каждого месяца все было по-другому.

Так было всю жизнь, сколько он себя помнил, Н.Н. Кеттеринг страдал трискайдекафобией. Он испытывал патологический страх перед числом «тринадцать». Самым же страшным днем была пятница, тринадцатое. Поскольку он был не только трискайдекафобом, но и параскаведекатриафобом — его пугала пятница, тринадцатое.

Он знал, что число «тринадцать» для него опасно, и оно постоянно было рядом: на автомобильных номерах, в количестве зерен съедаемой на завтрак каши и ягодах, которые он в нее добавлял. В глотках, которые он делал, поглощая завтрак, обед и ужин. В сумме шагов от такси до ресторана и от дверей до столика.

Разумеется, стол под номером тринадцать он никогда не занимал. Как никогда не выбирал блюдо под номером тринадцать в меню или вино в винной карте. Его выбор никогда не падал на что-то под номером тринадцать.

К пятнице тринадцатого он готовился заранее. Ко всем опасностям, существовавшим в этом мире. Конечно, лучше всего вообще не рисковать и остаться дома. Но и здесь было опасно. Он прочитал, что собственный дом именно то место, в котором человек вероятнее всего умрет, скорее всего в кухне. Итак, каждую пятницу тринадцатого числа он проводил в постели в своей маленькой квартирке в Ноттинг-Хилл. Накануне он подготавливал все, что ему может понадобиться до полуночи следующего дня. Время он проводил за чтением или

просмотром телевизионных программ — в основном о еде — и посещением, разумеется анонимно, форумов в Интернете, где велось обсуждение ресторанов, и некоторых сайтов, посвященных той же теме.

Это случилось в одну из пятниц тринадцатого числа, в холодный февральский день, когда он, растянувшись в постели, собрался просмотреть сообщения на новом форуме, на который наткнулся случайно. Посетителями его были лучшие шеф-повара мира. Он побывал в заведении каждого из них — некоторых похвалил, но большинство разгромил. Теперь же он не мог оторваться от экрана, поскольку они обсуждали ресторан, о котором он даже не слышал. И не просто обсуждали, а восхищались.

Это сводило с ума! Ведь он знал о каждом ресторане на этой планете и посетил каждый, заслуживающий внимания.

Странным был не только факт, что он не имел представления о ресторане, но и то, что все повара единодушно сочли его лучшим заведением в мире. Нигде, по их мнению, не подавали лучших блюд из мяса. Только здесь субпродукты готовили с такой изобретательностью. Голод проснулся в нем лишь от прочтения описания предлагаемых соусов, их нежности и оригинального сочетания вкусов.

Но эти негодяи не упомянули названия.

Растерянный, он вошел под своим псевдонимом Шеф-Сталкер и задал вопрос:

«Привет, как называется это место? Мне казалось, я знаю все заведения на этой планете, в которых стоит побывать!»

К его ужасу, дискуссия мгновенно прекратилась, а он так и не получил ответа.

Оставался единственный выход — отправить письмо по электронной почте лично шефам, которых он похвалил, раскрыть инкогнито и получить приглашение.

К счастью, он оказался прав. Через два дня на его адрес пришло сообщение:

«Уважаемый мистер Н.Н. Кеттеринг,

благодарим за Ваш интерес. Заведение, привлекшее Ваше внимание, на самом деле частный клуб. Мы будем рады пригласить Вас на следующее наше собрание, которое состоится в пятницу, 13 мая.

Существует лишь одно условие: Вы никогда ничего не напишете о клубе ни до, ни после посещения. Тем хорошим, что у нас есть, мы не намерены делиться.

Официальное приглашение с указанием адреса доставят Вам 12 мая. Будем рады встрече с Вами.

Приятного аппетита!»

Он не мог оторвать глаз от текста. *Пятница, 13!*

После окончания школы он ни разу не вышел из дому тринадцатого числа в пятницу.

Первым желанием было отклонить предложение, поблагодарить, но сообщить, что не может его принять.

Потом он опять вспомнил о хвалебных отзывах. В основном они были от шефа, который, как ему показалось, сам испытал все эти вкусовые ощущения, но предпочел сохранить анонимность.

Господи, как он любил мистическую атмосферу ресторана. Кеттеринг живо помнил, когда впервые вошел в ресторан, тогда ему было десять лет; заведение называлось «Верриз». Тогда он шел со своими родителями на шумной, заполненной людьми Риджент-стрит в

Лондоне. За спиной захлопнулись двери, и они оказались в ином мире с приглушенным светом, дубовыми панелями на стенах, едва слышными разговорами, ароматом чеснока и приготовленных на гриле мяса и рыбы. Мужчина в смокинге с сильным итальянским акцентом приветствовал родителей, словно те были его давними друзьями, пожал руку ему и проводил их, учтиво поклонившись, вдоль рядов красных кожаных банкетов к их столику.

С потолка свисали хрустальные люстры. На хрустящей белоснежной скатерти стояли хрустальные бокалы и небольшое серебряное блюдо с завитками масла. Вскоре появилось еще одно серебряное блюдо побольше с тостами мельба. Затем ему вручили меню в кожаной обложке бордового цвета, предлагающее настоящие изыски. Через несколько минут в руках отца оказалась толстая, как Библия, зеленая книга — винная карта.

Мимо сновали официанты с серебряными подносами, уставленными тарелками с едой. Несколько человек суетились у их стола. Ему казалось тогда, что он попал на другую планету, в другую вселенную. С того момента Найджел Норберт Кеттеринг знал, что готов провести всю жизнь в этом мире. Но даже в возрасте десяти лет он заметил то, что было сделано неправильно. Мелкие недостатки. Официант забыл принести заказанную к горячему стручковую фасоль, и ему пришлось об этом напомнить.

Отец ворчал, что его стейк прожарен сильнее, чем он просил, но в целом был доволен работой официантов и не собирался жаловаться. Он был смущен, а мама удивлена, когда маленький Найджел поднял руку, подзывая официанта. Через пять минут расстроивший папу стейк был заменен.

Это было начало. Сейчас, к сорока четырем годам, ему удалось добиться того, что превзошло все давние мечты. Однако еще оставались рестораны, входя в которые он испытывал трепет, как и в «Верризе» много лет назад.

А теперь появился еще один, превосходящий все, вместе взятые.

Но приглашение было на пятницу, тринадцатое. Он отправил письмо с вопросом: нельзя ли прийти в другой день? Ответ последовал в течение минуты:

«Нет. Ваше сообщение расценено нами как отказ. Благодарим за обращение».

Паника охватила его с той же скоростью, с какой двигались пальцы. На лбу выступили капли пота.

Он напечатал:

«Нет, я не отказываюсь. Благодарю, я непременно приду».

Последующие три месяца тянулись медленно и больше походили на три года.

В каждом ресторане его все раздражало.

Бестолковые, совершенно тупые официанты с такой гордостью рассказывали о блюде дня, будто лично поймали эту чертову рыбу или своими руками жарили на гриле мясо. Он с отвращением смотрел на закуски — моллюсков, утопающих в ароматизированном масле с неприятным запахом, и пасту, больше похожую на творение посетителей уроков оригами, которые проводят в специальных лечебных учреждениях.

Он разорил дюжину ресторанов со звездами Мишлен и заставил закрыться четыре новых, едва успевших распахнуть двери для всякой голытьбы.

Наконец наступил великий день.

Любопытно, великий ли?

Предыдущим вечером он проверил почту и нашел письмо с адресом. Это было место, которое несколько знаменитых поваров мира сочли лучшим для получения удовольствия от

еды. Дом номер 13, Вест-Одли-стрит в лондонском районе Мейфэр.

Опять это проклятое число 13.

Он был близок к тому, чтобы послать их к черту. Сказать, чтобы засунули свое идиотское приглашение туда, где никогда не светит солнце.

Тринадцать.

Число, которого он избегал всю сознательную жизнь. И вот он сидит в такси, мчащемся по Парк-Лейн, и число все ближе и ближе.

Он сглотнул слюну и стал думать о блюдах из мяса и ливера с разнообразными соусами. О таких вкусовых комбинациях он даже не слышал.

И предвкушал, какой устроит им разгром! Выставит на посмешище всех этих великих поваров. Одним постом разрушит репутацию. Он был даже удивлен, когда водитель, взглянув на счетчик, повернулся к нему и сообщил: «С вас тринадцать фунтов».

Н.Н. Кеттеринг отсчитал точную сумму. И с удовольствием наблюдал, как перекашивается лицо мужчины, когда он потребовал чек, а затем вышел, не оставив ничего на чай.

Поднявшись по ступенькам, он встал перед дверью и уставился на блестящие латунные цифры.

13.

Его стало трясти. Это приступ параскаведекатриафобии. Он готов был развернуться и сойти вниз. Сдержаться его заставило лишь прочитанное ранее описание блюд. Он поднял руку к звонку, заставил себя вытянуть палец и нажать на кнопку.

Он еще раздумывал, как поступить, когда дверь отворилась и в проеме появилась высокая, тощая фигура в смокинге и белых перчатках, с зализанными волосами, гладкими и блестящими, как замерзший пруд, и такой же застывшей улыбкой.

— Сэр?

Н.Н. назвал себя.

Через секунду он переступил порог, вошел в холл, отделанный дубовыми панелями, и услышал, как за спиной хлопнула дверь.

— Прошу сюда, сэр.

Он проследовал по коридору, стены которого украшали написанные маслом портреты, в некоторых людях он узнал популярных ресторанных критиков. Промелькнуло лицо А.А. Гилла из «Санди таймс», Фэя Машлера из «Обсервер», а потом и Джайлса Корена из «Таймс» и Мишеля Уиннера. Кеттеринг узнал еще нескольких иностранцев, прежде чем, пригнувшись, вошел в зал.

Он оказался в шикарной и очень большой столовой без окон, с овальным столом посередине, за которым сидели двенадцать человек. Стул в центре с одной стороны пустовал — его место.

Тринадцать приглашенных.

Оглядев лица присутствующих, он понял, что ему предстоит обедать в обществе двенадцати самых знаменитых шеф-поваров мира. Всеми ресторанными критиками — кроме него самого — им были даны высшие оценки. Он же разгромил каждого — безжалостно. И теперь они смотрели на него и улыбались.

Внутренний голос советовал бежать, и немедленно. Последний раз он обедал в присутствии людей много лет назад, предпочитая трапезу в одиночестве. Мужчины поднялись с мест. Стоящий ближе всех к нему Джонас Капри из Сиднея произнес:

— Н.Н. Кеттеринг. Какая честь.

Он не знал, что ответить, и не был уверен, что это стоит делать.

Следующим был Ферди Перрин — шеф ресторана «О Мазу» в Швейцарии, — некогда славившийся блюдами из ягнятины, до появления рецензии в «Отчетах Кеттеринга». И он подкинул новую проблему, пойдя дальше, — тепло пожал Н.Н. руку.

— Невозможно выразить, как мы польщены. Вы согласились прийти и попробовать наши творения. Очень надеюсь, что сегодня вечером вы измените мнение о наших способностях. Мы благодарны вам за предоставленный шанс.

— Что ж, — протянул Кеттеринг, впервые за многие годы чувствуя робость. Прежде чем он успел что-то сказать, с места поднялся следующий шеф. Джек Миллер из «Миллер-Хаус» в Тампе, Флорида.

— Поверьте, Н.Н., мы не держим на вас зла. Возможно, в день вашего посещения моего ресторана мы были не на высоте, и уверяю, я здесь не для того, чтобы заставить вас изменить мнение. Я лишь хочу, чтобы этот обед стал лучшим в вашей жизни. Как поступить дальше, решать только вам.

Н.Н. обратил внимание на портреты на стенах и узнал Гордона Рамси, Энтони Уорролла Томпсона. Альберт Ру. Вольфганг Пак. Ален Дюкасс. Раймонд Блан.

Он занял свое место и оглядел множество столовых приборов и бокалов. Один из них был наполовину заполнен белым вином с оттенком охры, во втором была вода.

Кеттеринг продолжал размышлять, как поступить, когда отворилась боковая дверь и один за другим в зал вошли четыре официанта, с ног до головы одетые в черное. Они несли массивные серебряные подносы, на которых стояли крошечные чашки демитассе с пышной пенкой сверху. Спустя несколько мгновений блюдо было подано каждому гостю.

Мужчина в перчатках, встречавший Н.Н. Кеттеринга, исполнял обязанности и швейцара, и метрдотеля.

— Ля муз буш, — сообщил он. — Капучино де тесстикюль.

Все взяли ложки и с удовольствием приступили к трапезе.

Н.Н. Кеттеринг поднес ложку к носу и понюхал. Аромат был удивительный. Положив на язык крошечный кусочек, он принялся смаковать его, дав медленно растаять, как сливочному маслу. Ему так понравилось, что он проглотил еще немного. Потом еще. И еще. У него появилось желание вылизать содержимое до капли.

— Фантастический вкус! — резюмировал он и добавил по-французски для присутствующих здесь иностранных поваров: — Невероятно!

Остальные гости не возражали.

Ему и прежде доводилось пробовать семенники баранов, свиней и быков, но никогда блюда не обладали столь сложным вкусом. Лучшее из всего возможного! Потрясающе!

— Весь секрет в маринаде, — объяснил шеф, сидящий по правую руку от него, — мужчина лет под сорок, с коротко стриженными темными волосами, черной футболке и джинсах.

— Я бы отметил также качество продуктов, — продолжал человек напротив. Ему было около шестидесяти, он имел академическую внешность и носил кардиган.

— Это само собой разумеется, — вмешался третий.

Н.Н., привыкший подмечать каждую мелочь вокруг, увидел, как два шефа подмигнули друг другу. Вскоре ему уже казалось, что все за столом перемигиваются тайком, чтобы он не заметил.

Углядев отпечатанное меню, он взял его и принялся изучать.

Двадцать одно блюдо. Все названия указаны по-французски, но он, разумеется, свободно владел языком и перевел их без труда. Впрочем, несколько слов вызвали затруднение.

В первой перемене блюд все было приготовлено из потрохов. После семенников подали мозги, затем была поджелудочная и зубная железы. И рубец из кишок.

Печенка. Почки. Потом... что-то еще, на этот раз французский его подвел.

Еще более церемониально, чем в предыдущий раз, перед каждым гостем поставили тарелки с серебряными крышками, давая понять, что настало время самого важного момента трапезы. Убрав преграду, он ощутил сладковатый аромат корицы и кориандра, исходивший от приготовленного на углях мяса. Это было богатое на вкус, насыщенное кассуле из фасоли, нута и тончайших кусочков того, что Н.Н. Кеттеринг счел колбасой. Положив в рот первый кусок, он понял, что это свинина, причем имевшая необычную, плотную текстуру, напоминающую мясо кальмара. Несомненное торжество вкуса над текстурой продукта.

Блюдо было съедено в полной тишине, и Кеттеринг чувствовал себя все более неловко, с каждым проглоченным куском он забывал об остальных частях своего тела, сконцентрировавшись лишь на ощущениях во рту. Он испытывал волнение, но одновременно и невероятное возбуждение от процесса.

Далее подали несколько мясных блюд, приготовленных из разных частей туши: окорока, огузка, лопатки.

Всякий раз он увлеченно пытался угадать, что перед ним. Ягнятина, говядина, оленина, свинина?

Может, страус?

Когда он решался спросить об этом присутствующих за столом, они лишь загадочно улыбались.

— Каждое блюдо уникально, ингредиенты должны оставаться тайной. Отведайте, и не пытайтесь анализировать.

К нему повернулся француз:

— Вы знакомы со строками вашего знаменитого поэта Поупа? «Не уловить нам смысл жизни существа, пытаюсь выявить его, вскрывая тело».

Он сделал лучшее из того, что мог. Стоило ему поднести к губам следующий кусок, как один из многочисленных бокалов наполнялся вновь или повторно. Белые, красные, розовые цвета и всевозможные оттенки постепенно слились в большое пятно.

И вот перед ним появилось главное блюдо — жаркое на тлеющих веточках укропа, и он сразу понял по аромату, что это свинина. Вонзая вилку, он невольно задался вопросом: все ли дело в вине или он испытывает истинную радость от еды? Сейчас он был совершенно уверен, что перед ним лучшее жаркое, которое ему доводилось пробовать в жизни и, скорее всего, из тех, что предстоит еще испробовать.

Он был счастлив и в высшей степени доволен обедом. Повара начинали ему нравиться, и он решил, что в следующий раз даст им высшую оценку. Возможно, тогда они пригласят его снова...

Пусть даже в пятницу, тринадцатого.

Похоже, это не такое уж и плохое число.

— Эта лучшая свинина, которую мне доводилось пробовать! — воскликнул он, пережевывая хрустящую корочку.

— Да, это длинная свинья, — отозвался мужчина напротив.

Внезапно благостная атмосфера в столовой испарилась, будто опустили рубильник. Повисла неловкая тишина. Несколько голов повернулись к говорившему, затем повара стали переглядываться.

Н.Н. внезапно осознал, что все смотрят в его сторону и ждут реакции.

По телу пробежала дрожь. «Длинная свинья». Он понял, что это означает и кого так называют.

У него закружилась голова, и стало подташнивать. Подняв глаза, он посмотрел внимательно на каждого из двенадцати присутствующих. Двенадцать пар глаз смотрели на него холодно.

Определение «длинная свинья» использовали людоеды на островах Тихого океана и в Африке. Так называли белых людей, потому что их мясо по вкусу напоминало свинину.

Он резко встал. Стул за спиной повалился на пол, издав странный звук, похожий на выстрел.

— Мне пора идти, — произнес он.

Никто не сказал ни слова.

Он выбежал из зала, промчался по коридору с портретами и вскоре оказался у входной двери. Дернул ее, взявшись за ручку, но дверь не поддавалась.

Она была заперта.

Ключа в замке не было.

Обернувшись, он увидел стоящего за спиной метрдотеля со сложенными на груди руками. Связка ключей висела на цепочке для часов на ремне.

— Вы еще не испробовали десерт, сэр. Будет невежливо уйти без десерта. Такого вы еще никогда не ели.

— Мне нужно идти, — твердил Кеттеринг. — Прошу вас, откройте дверь.

Его начинала душить паника.

— Боюсь, это невозможно, сэр. — Мужчина сделал шаг.

Н.Н. Кеттеринг никогда в жизни не наносил удар головой. Но сейчас он ударил метрдотеля.

Неловкая и неудачная попытка. Недостаточно склонившись, он ударил мужчину в лоб и разбил обе линзы очков. Без них он был почти слеп.

Однако действие произвело эффект и заставило метрдотеля упасть на колени и разразиться проклятиями.

Н.Н. схватил ключи и дернул изо всех сил, срывая связку с ремня. Повернувшись к двери, он попытался вставить сначала один ключ, затем другой, третий. Глянув через плечо, он заметил размытые силуэты гостей, бегущих к нему по коридору.

Переполюснутый отчаянием, принялся заталкивать четвертый ключ в замочную скважину, и он подошел.

Дверь открылась, и он подался вперед, сбегал, ничего не видя перед собой, по ступенькам прямо на тротуар, а потом и на дорогу. Прямо перед двухэтажным автобусом, весившим одиннадцать с половиной тонн.

Он ударил Кеттеринга на скорости почти тридцати миль в час и отбросил в сторону. Затормозив, автобус наконец остановился. Тишина наступила невероятная, казалось, весь Лондон затих в одно мгновение.

Врачи, прибывшие на место происшествия уже через несколько минут, так и не узнали, как и Н.Н. Кеттеринг, что автобус шел по маршруту номер 13.

Через два дня Н.Н. на короткое время очнулся. Этих нескольких минут было достаточно, чтобы услышать разговор.

— Разыскали его родственников? — поинтересовался мужской голос.

Ответил ему женский:

— Нет, доктор, у нас не было времени заняться поисками.

— Состояние прежнее?

— К сожалению, доктор.

— Подержим его еще некоторое время на аппаратах жизнеобеспечения. Но не думаю, что ему станет лучше. Слишком существенные повреждения внутренних органов. Тяжесть комы по шкале Глазго три. У бедняги наверняка умер мозг. Мы ничего не можем сделать. Только ждать.

Голос мужчины был ему знаком, однако Н.Н. никак не мог вспомнить, где его слышал. И лишь в последнюю секунду, прежде чем впасть в забытие, понял, что это был голос метрдотеля.

Через два дня дежурный врач отделения интенсивной терапии делал обход и обратил внимание, что кровать под номером тринадцать пуста. Медсестра посмотрела на нее с тоской.

— Вы в порядке? — поинтересовался он.

— Каждый раз, когда мы теряем пациента, я чувствую себя неудачницей, — ответила она и посмотрела на пластырь на лбу доктора. — У вас что-то случилось? Поранились?

— Пустяки. — Он перевел взгляд на пустую кровать. — Никогда не забывайте, что сказано в клятве Гиппократата: «Не навреди». Верно?

Медсестра печально кивнула.

— Было бы неправильно поддерживать его и дальше. Только представьте, что это за жизнь.

— Вы правы, — кивнула женщина. — Надо благодарить Господа за помощь. Он превратился бы в овощ, если бы жил.

— Знаете, сестра, я никогда не любил это слово, «овощ». Куда лучше «кусочек мяса», верно?

Всего два щелчка

Всего два щелчка мышью, и на экране появилось лицо Мишеля.

Маргарет прижала пальцы к экрану, ощущая желание прикоснуться к его лицу — словно с картин прерафаэлитов, — к длинным волнистым волосам.

Джо был внизу, смотрел футбольный матч по «Скай». То, что она делает, нехорошо. Но как велико искушение! Ведь еще Сократ говорил: «Не исследующим жизнь не стоит жить». Дети разъехались, гнездо опустело, остались только она и Джо. Он был как скала, защищавший ее всю жизнь. Сильный, надежный, но такой скучный. Скала ей больше не нужна, но необходим рыцарь на белом коне. И чтобы добраться до него, достаточно двух щелчков.

Всего два щелчка, и лицо Маргарет будет перед ним. Пальцы Майкла легко порхали над клавиатурой ноутбука, словно лаская их с особой нежностью. Больше года они переписывались по электронной почте — точнее, ровно год, два месяца, три дня и девятнадцать часов, о чем напомнила ему сегодня Маргарет.

И вот завтра, в половине восьмого вечера, через двадцать два часа, они наконец встретятся лично. Это будет их первое настоящее свидание.

У обоих в жизни было то, что этому мешало. Например, муж Маргарет Джо. За время долгой переписки (как сообщила ему днем Маргарет, одна тысяча сто восемьдесят семь писем) Мишель имел возможность составить портрет Джо: высокий, крепкий, безмозглый хулиган, который однажды кулаком выбил входную дверь. Он также не раз представлял себе внешность Маргарет, основываясь большей частью на присланной когда-то фотографии — привлекательная рыжеволосая женщина, похожая на Скалли из «Секретных материалов». Даже очень похожая на Скалли.

«Может, нам лучше не встречаться, как думаешь? — написала она сегодня днем. — Вдруг это испортит наши отношения?»

Жена, Карен, ушла от Майкла два месяца назад, обвинив в том, что компьютер он любит больше, чем ее.

«На самом деле, милая, ту, с которой я связан через этот компьютер...» — хотел сказать он, но не хватило храбрости. Это качество всегда было его проблемой. Ему не хватало храбрости. И сейчас его беспокоил стоящий перед глазами образ Джо, выбивающего кулаком дверь.

В ящике появилось новое письмо от Маргарет.

«Двадцать два часа и семь минут! Я так рада, не могу дождаться встречи с тобой, милый. Ты уже решил, где это будет? Целую. М.»

«И я тоже, — напечатал он ответ. — Знаешь бар «Красный лев» в Хэндкросс? Там всегда тихо, диваны с высокими спинками. Я часто захожу туда последнее время попробовать настоящего эля. И он на полпути от тебя до меня. Не представляю, смогу ли сегодня заснуть! Целую. С любовью, Майкл».

Маргарет щелкнула мышью, открыла письмо, пробежала глазами. Впервые за один год, два месяца и три дня на ее лице мелькнула тень. Настоящего эля? Раньше он никогда не говорил о своем интересе к настоящему элю. Это как-то... примитивно, не так ли?

На полпути между нами? Ему было бы сложно приехать в место, расположенное ближе к ее дому? Но хуже всего...

Бар?

Она быстро напечатала ответ:

«Я не хожу в бары, милый. Я провожу выходные в Париже, в отеле «Георг V» или в «Ритц-Карлтон», в Бристоле». И, подумав, удалила: «Какая глупость, от этих фантазий у меня нервы сдают...»

Снизу послышались крики восторга и оглушительный рев. Гол. Супер. Круто.

«Джо, я так за тебя рада».

Вместо удаленных строк она написала:

«Милый, «Красный лев» — это прекрасно, звучит очень романтично. В 7:30. Кажется, я тоже не засну! Люблю тебя. Целую. М.».

Заезжая в самый дальний угол автостоянки, Майкл думал о том, что Джо мог ведь прочитать переписку жены и теперь будет следить за ней до самого «Красного льва».

Он выбрался из темно-зеленой «астры» (его БМВ забрала Карен) и, продолжая нервничать, пошел к центральному входу в паб. После душа он побрился, выбрал одеколон «Босс», который, по мнению Карен, обладал очень мужским и волнующим ароматом, и не забыл про освежитель для полости рта. У него было такое ощущение, что в животе роится моль.

Остановившись у двери, он бросил взгляд на щегольские часы для подводного плавания. 7:32. Глубоко вдохнув, он вошел внутрь. И сразу увидел ее.

«О нет!»

Сердце так резко ухнуло вниз, что едва не свалилось в совершенно новые мокасины «Доксайдер».

Она сидела у стойки на всеобщем обозрении — ладно, к счастью, здесь почти никого нет, — но хуже всего, что перед ней лежала пачка сигарет и зажигалка. Она никогда не писала ему, что курит. Но самое, самое, самое страшное, что эта стерва не имела ничего общего с той фотографией, которую ему прислала. Ничего общего!

Да, у нее были волосы такого же рыжего цвета — будто окрашенные хной, честно говоря, — но не было длинных локонов; коротко стриженные и торчащие, словно шипы, о которые можно уколоть палец.

«Почему ты не писала мне, что подстриглась? Почему?!» Совсем некрасивое лицо, и она весит на три-четыре стоуна больше, чем на фотографии, целлюлит на бедре под вульгарной юбкой.

А возраст она назвала верно, пожалуй, это было единственным правдивым фактом.

Она перехватила его взгляд и теперь улыбалась ему...

«Нет. Ни за что. Только не это. Сожалею. Мне жаль».

Майкл развернулся и убежал не оглядываясь.

Выезжая со стоянки, он обливался потом от гнева и разочарования. Он отключил телефон на случай, если Маргарет решит позвонить. Он едва успел увернуться, когда навстречу ему пронесся какой-то идиот.

— Урод! — выкрикнул он.

Маргарет с облегчением вздохнула, увидев, что стоянка почти пуста. Отъехав в дальний

угол, она включила свет в салоне и поправила прическу, оглядела лицо и вышла из машины.

7:37. Она опоздала намеренно, чтобы Майкл успел добраться. Несмотря на волнение, она уверенно прошла к входу. К ее разочарованию, в зале его не оказалось. Пара молодых ребят, похожих на продавцов. Одинокий пожилой мужчина. У барной стойки полная женщина средних лет, с торчащими в стороны рыжими волосами и в ужасной юбке. Вскоре к ней подсел вышедший из мужской комнаты человек, похожий на покрытую татуировками гориллу, сказал ей что-то на ухо, и она захихикала и взяла из пепельницы тлеющую сигарету.

Майкл забился в свое логово и уставился на экран.

— Стерва. Какая стерва! — Одним щелчком он отправил все письма Маргарет в корзину. Еще щелчок, и туда же отправилась фотография.

Затем он очистил корзину.

Когда Маргарет вернулась чуть раньше десяти, Джо оторвался от матча, похожего, на ее взгляд, на все матчи, которые ей доводилось видеть.

— Как твой вечер с подругами? — спросил он.

— Я решила, что последнее время не уделяла мужу должного внимания. — Маргарет прижалась к своей скале и поцеловала в щеку. — Я люблю тебя, — прошептала она.

Джо потерял интерес к игре, повернулся к ней и поцеловал в ответ.

— И я тебя люблю, — сказал он.

Потом она поднялась в свою спальню и проверила почту. Ничего.

«Майкл, я прождала два часа», — напечатала она и остановилась.

Как здесь холодно. Внизу экран телевизора уютно подсвечивал комнату. И скала ее была теплой.

«Да пошел ты, Майкл».

Два щелчка, и он исчез из ее жизни.

Смерть в урочный час

Последний час перед рассветом кажется самым безжизненным. Таинственное, безмолвное время, когда воздух наполнен едва уловимой неподвижностью; ночь уже окончена, а новый день еще не наступил. В этот час сопротивляемость человека находится на самом низком уровне, именно в это время чаще всего умирающие, измотанные долгой борьбой за жизнь, не сумев удержаться на якоре, уплывают по реке забвения в спокойную ночь.

Сандра держала маму за руку, ладошка была не больше, чем у ребенка, мягкая, хрупкая, морщинистая.

Она старалась представить, что все еще чувствует пульс, но это было лишь биение ее собственного сердца.

Слеза катилась по ее щеке, ее догоняла новая, а она погружалась все дальше в прошлое, вспоминая только хорошие моменты. В детство, когда была маленькая и слабая, а мама большая и сильная. И думала, как несправедливо время, безжалостно и неумолимо, как старые дедушкины часы с маятником. Сильная. Да, она тоже была сильной последние несколько месяцев, когда кормила маму с ложки, старательно соблюдая все более строгую диету. Прошлым вечером на ужин мама съела желе из ананаса и выпила стакан молока. Ровно в семь часов.

Часы молчали; казалось, последний раз она слышала их бой очень давно.

Она посмотрела на наручные часы. Прошел уже целый час. Еще один час растворился в прошедшей ночи, а британское летнее время вело мир вперед. Совсем недавно было три часа, и вот уже четыре. Недавно мама была жива, и вот ее уже нет.

Внезапно и очень неожиданно жизнь замедлила ход. Никакой спешки. Сандра вцепилась в эту мысль, ставшую единственным утешением в горе. Не нужно спешить.

Она может сидеть здесь еще несколько часов, если захочет. Конечно, надо вызвать врача и — ее передернуло — похоронного агента.

Ей следует получить свидетельство о смерти. Непременно придет викарий. Будут звонить родственники. Огласят завещание. Она вспомнила всю процедуру, проходившую шесть лет назад, когда умер любимый папа.

Погрузившись в свои мысли, она жалобно посмотрела на недвижимое тело матери.

Это была одна из любимых шуток Тони. Он говорил, что только так отец сможет скрыться от мамы. Если он просто уйдет, она отыщет его, вернет домой и строго спросит, указывая на часы, понимает ли он, который сейчас час.

Да, мама была непростым человеком, тираном, постоянно следящим за временем, эгоистичной, капризной, не принимающей никакие доводы, а в последние годы и вовсе злобным параноиком.

Билл, брат Сандры, эмигрировал в Австралию. Сбежал, как утверждал Тони. А сестра Марион отправилась в Америку; тоже сбежала, по словам Тони. Обязанность заботиться о маме осталась ей.

Тони всегда критиковал ее за это, предупреждал, что она слишком слаба, чтобы справиться с мамой. Она позволила пожилой женщине эксплуатировать себя, полностью подавить, заставить быть дома, рядом постоянно, и в результате Сандра упустила момент, когда могла родить детей. И это было сделано не из-за любви, утверждал Тони, а из страха.

Он был прав. Мама ненавидела Тони, который увел от нее Сандру, ненавидела за то, что он не позволил ей жить с ними, исключением стали лишь два последних года.

Сандра сидела, сжимая безжизненную руку матери, и понимала, что наконец она свободна, впервые в жизни. Ей больше не нужно ставить будильник на шесть пятнадцать, чтобы приготовить чай и принести его маме в постель ровно в шесть тридцать — так всегда делал отец. Ей не придется подавать завтрак ровно в семь пятнадцать, а потом к восьми готовить ванну. Не нужно мысленно заводить внутренний будильник, чтобы звонить маме каждый час, когда уходила из дома, и выслушивать оскорбления, если позвонила чуть позже или задержалась и пришла позже обещанного, не в урочное время подала ужин или теплое молоко, которое полагалось пить ровно в одиннадцать.

Сандра перебирала пальцы матери, со смешанным чувством неохоты и воодушевления впуская в себя свободу, затем положила ее костлявую руку рядом с телом. Выключив свет и закрыв за собой дверь, она прошла в свою спальню. Устало опустилась на кровать и вытянулась рядом с крепко спящим Тони.

Не стоит его будить. Дела могут подождать. Несколько часов сна помогут ей набраться сил перед приготовлениями, которые ждут ее впереди: выбор гроба, музыки, составление текста для некролога в газетах.

Она лежала неподвижно, вымотанная многими неделями ночных дежурств, глаза ее были еще влажными, а сердце сжималось от горя.

Она спала урывками, прислушивалась, не бьют ли часы деда, но слышала лишь предрассветную мелодию. Наконец она встала, накинула халат, закрыла за собой дверь и остановилась на лестничной площадке. Тени цвета битума окружали ее со всех сторон. Сандра смотрела на дверь комнаты матери, и горло начало медленно сжиматься. Она должна была слышать отсюда бой часов, но тишину не нарушал ни один звук. Озадаченная, она спустилась в холл. Стрелки часов замерли, по-прежнему показывая три часа. Они остановились. Сандра глянула на наручные часы — шесть сорок пять.

На душе появилась тяжесть. Три часа. Теперь она вспомнила; вернулась в прошлое. Она вспомнила то, о чем горе заставило ее забыть. Три часа. Сандра еще раз посмотрела на часы. Возможно, это будет важно для врача: мама умерла ровно в три часа ночи.

Внутри разливался пугающий холод. Часы подарила им на свадьбу мама. Слишком строгие, казенные, громоздкие, они заполняли собой все маленькое пространство холла и смотрели на нее каждый раз, когда она входила в дом, словно желая упрекнуть за несвоевременный звонок или вовсе за забывчивость.

Тони их не любил, но в те далекие дни еще пытался завоевать расположение мамы, потому часы заняли почетное место. Он любил шутить, что им обязательно иметь в доме портрет ее матери, часы являются почти точной ее копией.

Сандра повернула в кухню. Стоило переступить порог, как в лицо ударил холодный воздух, вызвавший дрожь во всем теле. Пораженная, она огляделась и увидела, что дверь морозильной камеры распахнута. Тусклый дневной свет сочился сквозь серые жалюзи, единственным слышимым звуком был шум холодильника. Когда она потянулась к выключателю, что-то пронеслось мимо, шелестя тканью. Сандра застыла, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. В комнате стояла мама. Она была в розовом халате и смотрела сурово, постукивая по часам на руке.

— Где мой чай? Что ты за дочь, если забываешь принести умирающей матери чашку чаю?

— М-м-мама! — запинаясь, произнесла Сандра. — Ты... ты умерла... умерла... ты...

В помещении становилось все холоднее, свет медленно тускнел.

Образ матери оставался четким, даже более живым, чем прежде. Замешательство сменилось облегчением.

— Мамочка... ты в порядке? Я... я... — Голос сорвался, и она замолчала. Глаза подтверждали, что мама стоит напротив, но мозг кричал, что это невозможно. Всего несколько часов назад у мамы не билось сердце, тело было холодным, появились признаки окоченения.

— Вы с Тони не можете дождаться, когда я уйду, хотите от меня избавиться, верно?

— Мамочка, э-это не так. Нет... я...

Мама сделала шаг к ней и подняла руку.

— Стерва! Шлюха! Проститутка! — Ладонь мелькнула в воздухе, Сандра вскрикнула и отступила.

— С кем ты разговариваешь?

Она медленно повернулась. В дверном проеме стоял Тони, смотрел на нее сонными глазами и плотнее заворачивался в махровый халат. Сандра повернулась к матери, но фигура исчезла. Сердце зашлось, и она, открыв рот, сделал несколько глотков воздуха.

— Мамочка, — пробормотала она. — Я... я...

Обойдя его, она бросилась вверх по лестнице и распахнула дверь гостевой комнаты.

Мать лежала в той же позе, в какой она оставила ее. Осторожно, едва дыша, Сандра подошла и коснулась щеки. Она была холодной, как оштукатуренная стена. Глаза закрыты, на губах ухмылка, словно и мертвую ее веселила какая-то предсмертная шутка.

Дрожа от страха и смятения, Сандра повернулась и прижалась к Тони, вошедшему следом. Он нежно обнял ее, и она разрыдалась, уткнувшись в теплое махровое плечо.

— Уже холодная, — тихо и довольно равнодушно заметил Тони. — Должно быть, умерла во сне.

На следующее утро Сандра села в постели с широко распахнутыми глазами.

Часы на тумбочке показывали шесть пятнадцать. Пятнадцать минут!

Она поспешила спуститься вниз. Пока закипала вода, она насыпала заварку в чайник, поставила на поднос мамину чашку с блюдцем.

Налив кипятка в чайник, замерла.

Черт возьми, что она делает?

Мама лежит в морге, похороны назначены на вторник.

Разозлившись на себя, Сандра вылила содержимое чайника в раковину, прошла через холл, бросив взгляд на показывающие три часа, и вернулась в кровать. Прижавшись к Тони, она проникла под его пижаму и принялась возбуждать. Через несколько минут она оседлала его, и они страстно и бурно занялись любовью.

— Ты свободна, — сказал Тони, когда они впервые нежились субботним утром в постели. — Теперь ты принадлежишь самой себе, мы принадлежим сами себе. Можем поехать отдыхать. Избавиться от этих проклятых часов.

— Сегодня придет мастер, чтобы их починить, — напомнила Сандра.

— Бог мой, зачем тратить на это деньги? Давай лучше продадим их на каком-нибудь аукционе.

— Сначала надо починить. Я не могу оставить их такими.

— С механизмом все в порядке, миссис Эллис. Я все тщательно почистил; возможно, они остановились из-за пыли.

Сандра заплатила мастеру и поблагодарила его. Провожая его к двери, она решилась спросить:

— Возможно, вы знаете, кто мог бы пожелать их купить?

— Э-э... — задумчиво протянул мужчина. — Что ж, вещь вполне достойная. Спросите Атертона с Льюис-Хай-стрит.

Сандра закрыла дверь и удивленно повернулась, услышав, что ход часов возобновился. На ее глазах минутная стрелка рванула вперед и остановилась на одиннадцати минутах третьего.

Тони отправился играть в гольф и должен был вернуться ближе к вечеру.

Сандра решила, что ей необходимо продать часы и заняться этим немедленно. Чем раньше часы исчезнут из дома, тем лучше. Возможно, она проявляла непочтение, желая избавиться от них до похорон, но это уже не важно.

Тони вернулся домой около пяти и был удивлен, не увидев «тойоты» Сандры у дома. Войдя в холл, он обратил внимание, что часы ее деда по-прежнему показывают три и не издают ни звука. Странно, подумал он. Ведь Сандра говорила, что мастер придет в полдень. Из кухни доносился шум. Это Сандра.

— Привет, любимая, — сказал он, входя. — А я решил, что тебя нет.

На столе он увидел поднос с чаем.

— Мамочка ждет чай, — сказала она. — Пришлось вернуться.

Тони искоса посмотрел на нее:

— Твоя мама умерла. А где машина?

Звонок в дверь раздался прежде, чем она успела ответить. Сандра продолжала заниматься чаем, будто не слышала ни вопроса, ни звонка.

Тони открыл дверь. Перед ним стояли двое полицейских со скорбными лицами, держа фуражки в руках.

— Мистер Энтони Эллис? — спросил один. Голос его слегка дрожал.

— Да, — кивнул Тони.

— С вашей женой несчастье, сэр. Ее сбила машина, когда она переходила Льюис-Хай-стрит. Ее повезли в клинику Роял-Суссекс-Кантри, но по дороге она скончалась.

Тони покачал головой:

— Тут, верно, какая-то ошибка — моя жена дома. Входите и посмотрите на нее сами.

Он провел их в кухню.

— Сандра, ты ни за что не догадаешься... — Он замолчал на полуслове. В кухне никого не было. И подноса на столе не было.

Тони побежал наверх, выкрикивая имя жены, но слышал только тишину. Он медленно спустился по лестнице.

— К-к-когда... это случилось?

— Совсем недавно, сэр, — ответил ему второй полицейский и как-то странно посмотрел на часы деда. — Часа в три, сэр.

Генри сжег дорогой новый чип, уничтожив важный файл в почте, а потом безнадежно застрял среди мира. Потерялся. Облом, как бывает в понедельник утром.

Генри, или henry.biomorph.org.uk, если уж приводить его полное имя, решил справиться с этой проблемой тем же способом, как и со всеми своими проблемами, — он отключился, надеясь, что каким-то чудом все образуется само собой, когда он включится. Или он просто не включится. Черта с два так будет. Нельзя послать в небытие того, кто и так прибывает в забвении.

Пусть попробуют.

«Рассказывайте, — подумал он и фыркнул. — Вот вы у меня где». И не важно, что трудно понять, в каком месте это «где».

Он был не вполне эфемерной сущностью — он был продуктом физики элементарных частиц, фрактальным выражением реального человека, потоком волн самовоспроизводящейся энергии размером в три нанометра, внутри которого содержалась вся информация, когда-либо передаваемая по компьютерным проводам и поступавшая в любой канал передачи данных по всей планете, что делало его самым умным в мире и одновременно наименее опытным. Что-то было ему недоступно — вкус еды, секс, запахи, любовь. Он был кладезем знаний и накопленной мудрости. Если бы он мог носить футболку, на ней было бы написано: «Видел все, и что толку?» Но никто еще не создал футболку три нанометра длиной, а если бы и создал, такая вещь была бы для него бесполезной, так как ее испепелили бы девять триллионов байт данных, проносящихся мимо него за одну аттосекунду. Он бы мечтал тогда стереть из памяти слова: «Полностью одет, но некуда идти», поскольку они не имели бы к нему отношения. Однако он не мог окончательно избавиться от информации. Он пытался, но она поступала вновь от кого-то другого. Он видел все фильмы, которые были сняты. Читал все книги. Смотрел все телевизионные программы, которые транслировались на каждом канале, в каждой стране за последние двадцать пять лет.

Потом появилась рука, тянущаяся к кнопке выключения. Приступ страха, взявшегося непонятно откуда, сменился настоящей паникой; рука приближалась к красной кнопке, под которой было написано крупными буквами: «АВАРИЙНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ». Ниже должно быть указано (этого, конечно, не было) такими же крупными буквами: «ВЫПОЛНИТЕ НЕОБХОДИМЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕОБРАТИМЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ».

— Выполните! — кричал Генри. — Выполните! — Паника захватила его. — Выполните!

Он чувствовал, как взлетает вверх, сбитый с толку отсутствием гравитации; выше, быстрее, сквозь крошечную тьму черного вертикального тоннеля. Последовал удар страха, опустошил его, ввел в бессознательное состояние.

Режим запуска. Включилось на полную мощь сознание охотника-собирателя.

«Какое счастье, — подумал он. — Я не сдох». В наши дни ни в чем нельзя быть уверенным.

Он лежал неподвижно, пульсирующий страх еще жил в нем, но паника отступала. Он постарался расслабиться и логически соединить все существующее вокруг. Один и тот же кошмар преследовал его из ночи в ночь и казался совершенно реальным. Впрочем, что в наши дни можно считать реальностью? Жизнь превратилась в путаницу, последовательный

пространственно-временной континуум полной неразберихи. Он тупо уставился на пиксели на подушке рядом.

Сотни пикселей. Тысячи. Миллионы, требующие соединения для передачи четкого изображения его жены. Отправляясь спать, он всегда сжимал его (чтобы сэкономить место на жестком диске — его мозге, как он предпочитал называть), но обратное расширение каждое утро было делом хлопотным, учитывая, что его необходимо было произвести в смехотворно короткий период времени.

Черт, насколько можно еще уменьшить это время? Оно уже превратилось из пикосекунд в наносекунды, затем аттосекунды. Аттосекунда выросла в секунду, потом еще одна секунда и Большой взрыв... ему надо успеть собрать все меньше чем за мгновение.

— Доброе утро, милый, — произнесла Сьюзен, сонно улыбаясь. Нагромождение пикселей превратилось в цельный образ жены с прядью темных волос, упавших на лицо. Черт, она же как живая, именно такой он ее помнит — впрочем, так и должно быть.

Он потянулся и поцеловал ее. Разумеется, губы коснулись пустоты, но он все равно делал так каждое утро. И она ответила ему, кокетливо надула губки и слегка усмехнулась, словно хранила тайну, которую не собиралась ему открывать. Она тихо хихикнула, как делала каждое утро.

— О, милый, конечно хочу. Хочу!

Он смотрел, как она встает с кровати, и ощутил неожиданно острое желание, увидев, как она, выгнув обнаженное тело, поправляет волосы и удаляется в ванную.

Хлопнула дверь. Бог мой, они не занимались любовью с... с... Он порылся в памяти — сегментах памяти... нет, в клетках, да, клетках мозга (человеческие ресурсы, как они это называли), — но так и не смог вспомнить, когда они последний раз занимались любовью. Он даже не помнил, когда последний раз об этом думал. Все еще больше запутывается. Синдром стресса от перегрузки мозга. Это стало самым распространенным заболеванием западного мира. Мозг заполнен, для новой информации в нем нет места, отчего появляется ощущение паники и растерянности. Генри и сам с недавнего времени страдал этим синдромом.

Симптомы были настолько очевидны и ясны ему, что он даже не потрудился обратиться к врачу, чтобы тот подтвердил диагноз: в мире столько этих чертовых широкополосных каналов.

Он напрягся, взбудораженный тревогой. «Я не могу заняться любовью с женой, потому что ее не существует, точнее, она существует в моей памяти. В моей реальности». Затем он сказал себе то, что всегда говорил, чтобы себя успокоить: «Cogito, ergo sum». И несколько раз повторил по-английски, потому что по-английски это звучало лучше: «Мыслю, значит, существую».

Уже два года Сьюзен была мертва, но он никак не мог к этому привыкнуть, все еще позволял себе обманываться мечтами о том, что она рядом, они могут смеяться, целоваться, иногда заниматься любовью; мечты, да, о старых добрых временах. Все прошло. Но не окончательно. Генри прислушался к доносящимся из ванной звукам.

Это было частью голографической модели постдеанимированной программы «Перма Жизнь-7». Из-за двери доносился шум воды, создавая иллюзию, что Сьюзен еще жива.

Через несколько секунд, ровно в 6:30 по общеевропейскому времени, раздался синтезированный голос Минутного Менеджера — его личного ежедневника:

«Доброе утро, мистер и миссис Гаррик. Сегодня четверг, 17 ноября 2045 года».

Теперь Генри понял, что не так. Сьюзен встала раньше будильника. Она никогда не вставала раньше. Никогда.

Минутный Менеджер беззаботно продолжал:

«Заголовки сегодняшней ленты новостей, которые могут вас заинтересовать. Обновленную версию я представлю в течение часа.

«Премьер-министр утром прибывает в Страсбург, чтобы представить доводы против исключения Британии из ЕС».

«Сегодня парламент обсудит в первом чтении закон о сокращении власти палаты общин в пользу правительства на основании консенсуса в Интернете... а делегаты Всемирного союза обеспокоенных ученых продолжают добиваться внесения в международное законодательство пункта об ограничениях возможностей компьютерного разума».

— Ты сегодня рано, дорогая, — сказал Генри, когда Сьюзен вернулась в спальню.

— Предстоит тяжелой день, — с грустью пробормотала она и начала перебирать развешанные в гардеробе вещи, прерываясь ненадолго, чтобы взять вешалку с платьем, приложить и оглядеть себя в зеркало.

Завтрак, подумал он. Вот чего не хватало ему в последнее время. Обычно она приносила ему завтрак на подносе прямо в постель. Чай, тост, каша, вареное яйцо.

Он никогда не изменял своим привычкам, поэтому Сьюзен готовила ему одно и то же каждый день. Он зависел от нее во всем, в этом причина того, что он не захотел расстаться с ней и после смерти.

— Где мой завтрак? — угрюмо спросил он.

И почти сразу отыскал в байтах хранимой памяти информацию о том, что не завтракал уже два года. Но ни одного объяснения, почему так было.

Ужасно, но у него возникали большие сложности с воспоминаниями о смерти Сьюзен. Такое впечатление, что он сохранил данные, но не мог вспомнить где. В какой-то момент они были женаты и счастливы, а в следующий ее уже не было. По крайней мере, не было человека из плоти и крови.

Генри Гаррик создал копию своей жены. Технологии создания роботов еще не доведены до совершенства, особенно в области мышечного движения, поэтому точные копии человека — ТКЧ — двигались, как правило, неуклюже, своеобразная артикуляция делала их похожими на больных людей. Оттого он и выбрал голографическую модель «Перма Жизнь-7».

Сьюзен-2, как он ее называл, подключалась через цифровой спутниковый канал к искусственному интеллекту под названием «Архив-4», а вмонтированные в стены лазеры позволяли ей двигаться по всей квартире, хотя, конечно, не за ее пределами. Преобразованием Сьюзен из человека живого (из плоти и крови) в виртуального занимались служащие похоронного бюро.

Слово «смерть» постепенно исчезало из лексикона. «Деанимированный», или «условно анимируемый», или даже «альтернативное разумное состояние» — такие определения приходили на смену и были более точными описаниями, по крайней мере для тех, кто воспользовался предсмертной загрузкой сознания, повсеместно предлагаемой похоронными бюро.

«Вот дела», — подумал Генри. Вариантов было множество, как для живущих, так и воссозданных. Книжки статичные, интерактивные; виртуальная реальность, альтернативная реальность. И конечно, как и прежде, старый добрый телевизор. Правда, теперь уже никто не знал, сколько он показывает каналов. Его Минутный Менеджер обеспечивал круглосуточную

трансляцию тех, которые соответствовали вкусам Генри. Программы можно было разделить на две категории — те, что Генри будет смотреть, и те, что будут транслироваться сразу в его мозг через нейроинтерфейс, таким образом, он будет помнить, словно их смотрел.

«Вечером будут показывать хорошие старые детективы, — сообщил Минутный Менеджер. — «Крамер против Крамера», «Законы Лос-Анджелеса», «Перри Мейсон», «Место преступления», «Банда», «Представитель закона», «Судья Рампол». Предпочитаете посмотреть в реальном времени или загрузить?»

Несколько мгновений Генри не отвечал. Он размышлял, почему же его жена сегодня так рано встала? Может, возникла проблема с одним из ее модулей? Следует вызвать инженера, пусть он все проверит, вот только надо вспомнить, с кем он заключал контракт. Звуки ее голоса вывели его из забытья.

— Пока, милый. Хорошего тебе дня.

Она уходит! Но как? Это совершенно невозможно.

— Эй! — закричал он ей вслед. — Черт, куда ты идешь?

Сьюзен вернулась почти в полночь. От нее пахло алкоголем и табаком, и она обнимала незнакомого парня.

— Где ты была? — заорал Генри. — И что это за урод?

К его удивлению, она не ответила. Даже не посмотрела в его сторону.

— Я думала, мне будет его не хватать, — произнесла она, не отрывая глаз от нового приятеля, Сэма. — Хотела, чтобы он остался со мной. Но проблема вот в чем: он никак не поймет, что умер, представляешь? Он считает, что это я мертвая! Бедняга, к концу жизни он окончательно запутался. Порой он так странно на меня смотрит. Я понимаю, это всего лишь голограмма, но кажется, он до сих пор жив, может думать чувствовать. С каждым днем это ощущение все сильнее, сегодня утром он так разозлился, когда я собралась уходить! Полагаю, настало время его отключить.

— Пожалуй, — кивнул Сэм, с беспокойством поглядывая на голограмму.

— В жизни рано или поздно настает момент, когда надо отпустить прошлое.

Сьюзен подняла руку и нажала кнопку.

Встретимся в крематории

«Я тебя хочу», — написал он.

«Я хочу больше», — написала она ответ.

Тревор любил повторять, что прошлое — это другая страна. В данный момент для Дженет другой страной должно было стать ее будущее. И другой мужчина.

И сегодня он будет принадлежать ей. Опять. Острое сексуальное возбуждение сдавило живот при мысли о нем. Страсть. Жажда.

«Сегодня ты будешь моим. Раз за разом, снова и снова».

Прошлое мелькало в зеркале заднего вида, отдаляясь с каждым пройденным километром. Прожилки соснового леса по обеим сторонам дороги с точками дорожных знаков, замедляющих бег машины. Она спешила скорее добраться. Сердце заходило от восторга и страха. Пульс учащался. Адреналин будоражил кровь уже сорок восемь часов, но она не ощущала усталости, напротив, была бодрой, более чем бодрой.

Путь в неизвестность. Ей предстоит встретиться с мужчиной, о существовании которого она не подозревала всего несколько недель назад. Она распечатала его фотографию, отправленную им в формате джейпег, и теперь та лежала рядом с ней, на переднем сиденье ее серого «пассата». Высокий, мускулистый парень, полностью обнаженный и с легкой эрекцией. Он будто дразнил ее, призывая сделать возбуждение максимальным. Отличный пресс — почти шесть кубиков. Она уже чувствовала, как он будет прижиматься к ее животу. У него были темные волосы, густые и пушистые, они покрывали торс и ноги — ей это нравилось. Тревор был светловолосый и худой, а на теле почти ни одного волоска.

Этот же мужчина был загорелым, стройным, подтянутым.

Ганс.

Он был похож на молодого Джека Николсона, и волосы у него так же начинают редеть на макушке. Внешность на фотографии вполне соответствовала его голосу и манере, которые привлекли ее при первом общении в чате.

Нечто дикое, животное.

Фон, выбранный для фотографии, показался ей странным. Замкнутое пространство без окон, похожее на машинное отделение корабля, впрочем, если это так, то идея ей нравилась. Как и все в нем, это ее возбуждало. Блестящие трубы от пола до потолка, бежевая обшивка, циферблаты, датчики, переключатели, рычаги, ручки, мигающие огни. Может, это диспетчерская ядерной станции? Или Центр управления полетами?

Что ж, значит, их полет будет под контролем!

Интересно, кто сделал этот снимок? Любовница? Или он сам, используя автопуск? Впрочем, какая разница, она все равно очень его хочет. Хочет его тело, хочет, чтобы возбуждение его было сильнее, чем на фото. Хочет ощущать его внутри себя. Она хотела его так сильно, что едва не обезумела от страсти.

Комары становятся безумными от жажды крови. Им необходимо найти место и напиться крови, даже если это их убьет. Так и она стремилась обладать Гансом любой ценой, даже жизни. Она мечтала впустить его в свою душу и свое тело.

Ее ничто не беспокоило. Она была свободна. Свободна целых два дня, и это было несоизмеримо больше той свободы, которой она обладала целых два года.

Сквозь шуршание и скрежет радио до нее донеслись обрывки речи на немецком, а

потом Боб Дилан запел «Времена, они меняются».

Как верно. Действительно меняются! На стекло упали комки снега, но их смели «дворники». На улице сейчас холодно, и это прекрасно. Приятно заниматься любовью в теплой спальне, когда на улице холодно. Кроме того, у холодной погоды много других преимуществ.

«Я никогда не дам тебе уйти, — говорил Тревор. — Никогда. Ни за что». Она слышала это несколько лет.

Ганс подробно рассказал, что собирается с ней делать. Как именно они будут заниматься любовью в первый раз. И он все сделал именно так, как описал. Ей нравилась немецкая точность. То, как внимательно он изучил ее фотографию и уже хорошо знал тело, когда они встретились. Как он говорил, что ему нравятся ее волосы, а потом зарывался в них лицом.

«Меня зовут Ганс. Мне тридцать семь лет, разведен, хотел бы начать новую жизнь с женщиной моего возраста. Мне нравятся стройные блондинки. Прости мне плохой английский. Ты мне нравишься. Я еще не знаю тебя, но ты уже мне нравишься».

«А ты нравишься мне еще больше!»

В этом году ей будет сорок. Она в шутку называла его молодым любовником. Он хохотал, и ей это нравилось; у него было хорошее чувство юмора. Немного своеобразное, порочное.

Все в нем было порочным.

Дженет знала, что выглядит хорошо. Красавицей не была, но понимала, как сделать так, чтобы казаться привлекательной и сексуальной. Одеться так, чтобы убить наповал, чтобы все мужчины смотрели только на нее. Занятия аэробикой дважды в неделю помогали ей держать себя в форме. Если вспомнить одно из самых противных высказываний Тревора, раньше она страдала компульсивным перееданием — и перепиванием, — чтобы получить душевный комфорт. Потом она узнала о программе «весонаблюдателей», и вскоре жир, а за ним и целлюлит исчезли. Фигура приобрела стройность, живот не был похож на мешок, как у некоторых ее подруг, родивших детей. Грудь была по-прежнему упругой и приподнятой, в нарушение всех законов гравитации.

Дженет предпочла бы стать выше ростом — всегда мечтала об этом, — но нельзя иметь все, что пожелаешь.

Как сказал Тревор, когда они впервые занимались любовью: «В постели все люди одинакового роста». Тогда это ее развеселило.

Тревор любил повторять, что ничто сделанное в жизни не бывает напрасным.

Он любил сыпать умными фразами, было время, когда Дженет их внимательно слушала, с обожанием, сохраняла в памяти и при случае повторяла.

Дженет так сильно его любила, до боли.

Но она ничего не имела против боли. Это было одно из того, в чем Тревор по-настоящему знал толк. Узлы, наручники, зажимы на соски, кожаные ремни, ошейники, хлысты и бамбуковые хлопушки. Ему нравилось причинять ей боль; он знал, как и в каком месте. Она не возражала, потому что любила его.

Но все это было тогда.

Дженет изменилась в период между «тогда» и «сейчас». Они оба изменились. Его горизонты сузились: ее расширились.

«Любую систему можно разрушить». Это тоже было одним из его высказываний.

И он был прав.

Их разделяла целая жизнь. Так ей казалось. И тысяча двести двенадцать километров, которые она проехала по сосновому лесу, припорошенному декабрьским снегом. Щелчок. Уже одна тысяча двести тринадцать.

Дженет ехала со скоростью сто тридцать щелчков в час. На заднем сиденье лежала вся ее жизнь, упакованная в два больших чемодана. Одна тысяча двести четырнадцать.

Гаген-3.

Скоро поворот. От предвкушения сжало горло. Сколько деревень, маленьких и больших городов она проехала за всю жизнь, задаваясь вопросом: «Каково было бы здесь остановиться? Остаться в совершенно чужом месте, где не знаешь ни одного человека, снять номер в гостинице или небольшую квартиру и начать новую жизнь?»

Ее мечта вскоре осуществится. Гаген. До недавнего времени он был для нее лишь пунктом на карте Гугл. Гаген. Тридцать седьмой по величине город Германии. Ей это нравилось. Население двести тысяч. Расположен на берегу реки Рур. Город, о котором мало кому известно в мире, за исключением его обитателей. Некогда индустриальный, теперь, если верить информации в Интернете, он был популярным центром искусства. Это ей тоже нравилось. Она уже видела себя в месте, ставшем центром искусства.

До настоящего времени Дженет была далека от творчества. Как-то не оставалось времени. Во время рабочей недели всегда была в дороге, поскольку трудилась в отделе продаж компании, выпускавшей промышленные щетки. Щетки для типографий. Щетки для пылесосов. Уплотнение для дверей лифта. Щеточные контакты. Ей будет не хватать веселых разговоров и флирта с покупателями — в основном мужского пола — на заводах, в оптовых фирмах, прокатных заводах и хозяйственных магазинах. Дженет будет скучать по удобному «форду-мондео», принадлежащему компании, хотя и «пассат» ее вполне устраивал. Все хорошо. Цена невелика. Просто смехотворно мала.

После рабочей недели, в выходные Тревора тоже не интересовало искусство. Он не желал слышать о театрах, галереях, концертах, если это не группа «Деф Леппард» — отличная музыка, если вам нравится то, что она терпеть не могла, — но это не было творчеством, по крайней мере с ее точки зрения. Тревор предпочитал смотреть футбол, проводить время в пабе, а еще лучше в одном садомазохистском клубе, который он отыскал в Лондоне и где они вскоре стали постоянными посетителями. Помимо всего прочего он испытывал особое удовольствие, когда бил и оскорблял ее в присутствии других людей.

Слева, чуть впереди, за железной дорогой, пролежавшей на возвышенности, начинался город. Он раскинулся в долине, окруженной невысокими, округлыми, заснеженными холмами. Все, что она пока видела, было серого или коричневого цвета, включая нависшее над землей небо.

Однако это казалось ей очень красивым.

Гаген. Место, в котором она никого не знает и ее не знает никто.

Кроме одного мужчины. Впрочем, и с ним они едва знакомы. И она приехала в город, где он живет и работает, чтобы заняться с ним сексом второй раз. Она старалась вспомнить, как звучит его голос. Как от него пахнет. Он был достаточно грубым, чтобы отправить ей фотографию в обнаженном виде, и почти возбужденным, но одновременно нежным — он прислал ей стихи Апарны Чаттерджи:

*Говорю страсть
Вижу страсть,*

*Чувствую страсть,
И страстно желаю.
Покажи мне свое тело
Наизнанку...
Нет одежды,
Нет запретов,
По чуть-чуть,
По частям,
Подари мне свои запахи,
Подари свой пот...*

Тревор за всю жизнь не прочитал ни одного стихотворения.

Сразу за переездом дорога шла вниз. Под этим углом создавалось впечатление, что она едет прямо на грязные, выкрашенные в голубой цвет таунхаусы. Остановившись на светофоре, она взглянула в зеркало — на мгновение, потом заметила желтый указатель «Центр» со стрелкой вперед и еще один, ведущий налево, — «Театр».

Ей это понравилось. Понравилось, что вторым словом, увиденным в этом городе, было «театр».

Должно быть, это хорошее место — она чувствовала сердцем, душой.

Гаген. Она произнесла название вслух и улыбнулась.

Сзади просигналил автомобиль. Зажегся зеленый свет. Она проехала мимо указателя «Бергишер-Ринг» и вспомнила карту — отель где-то рядом. Ей хотелось скорее увидеть Ганса, но и оглядеть окрестности и сориентироваться. Все время в этом мире принадлежало ей, надо использовать его правильно с самого начала. Казалось, она слишком быстро выехала на трассу, а через несколько минут уже была в центре города.

Ей было необходимо все почувствовать, тщательно исследовать, вдыхать медленно.

На перекрестке Дженет повернула направо и покатила вверх по крутому извилистому склону холма с террасами домиков по обеим сторонам и обветшалой церковью на вершине. Повинуясь внезапному порыву, она свернула налево и неожиданно очутилась на окраине редкого леса, покрывавшего холмы вокруг до самой черты города, раскинувшегося у подножий.

Свернув на обочину, она остановила машину у цистерны с бутаном за обшарпанным дорожным ограждением и вышла. Центральный замок давно не работал, поэтому она обошла автомобиль, проверив, заперты ли двери и багажник. Подойдя к ограждению, посмотрела вниз на поселение, которому предстояло стать ее новым домом.

Гаген. Здесь, помимо прочих достопримечательностей, как хвастливо извещали туристические сайты, находился первый крематорий в Германии. К нему вела удобная кольцевая дорога.

Дженет смотрела прямо перед собой на город, лежащий словно в огромной чаше прямо перед ней.

Взгляд скользил по серому городскому пейзажу, цистерне и мрачному небу, готовому в любую минуту разразиться дождем. Из широкой трубы, окруженной низкими промышленными постройками, валил дым и поднимался выше самых больших холмов. Пятно микрорайона многоквартирных домов. Шпиль костела. Колесо обозрений, слишком

ярко освещенное для трех часов дня, — это напомнило ей, что скоро начнет темнеть. Неожиданно в поле зрения попала узкая река с каймой закопченных зданий. Некоторые дома с красными крышами. Ей стало любопытно, кто в них жил, встретится ли она с кем-то из этих людей?

Рассказывая ей о Гагене, Ганс сказал, что это «ни рыба ни мясо».

Ей было все равно, каким он был или каким не был. Город выглядел огромным, вмещавшим много больше двухсот тысяч жителей. Он казался ей мегаполисом, в котором можно было потеряться и спрятаться от всех.

С каждой секундой он нравился ей все больше.

Дженет заметила странное здание цилиндрической формы, полностью из стекла. Оно подсвечивалось синим и напоминало старую водонапорную башню. Что это могло быть? Ганс непременно ей расскажет. Во время перерывов между занятиями любовью они вместе исследуют каждый дюйм этого города. Только бы найти время любоваться и узнавать что-то помимо тел друг друга!

Она повернулась спиной к открывающейся панораме и пошла вверх по холму, сунув руки глубоко в карманы черной замшевой куртки. Мокрые снежинки щекотали лицо, намокший шарф хорошо защищал горло, наполняющееся запахами деревьев и жухлой травы. Она шла по узкой лесной тропинке, вскоре превратившейся в проселочную дорогу, которая вывела ее спустя несколько минут на пригорок, лишь в некоторых местах покрытый травой. Вдалеке в ряд выстроились деревья, а перед ними возвышался каменный прямоугольник монумента.

Дженет подошла ближе и остановилась у местами разобранной ограды — вероятно, здесь велись ремонтные работы. Это был памятник Бисмарку. Она сразу узнала его, поскольку не раз видела на сайтах, рассказывающих об истории и достопримечательностях Гагена.

Несколько минут она его разглядывала, потом достала небольшой цифровой фотоаппарат и сделала несколько снимков. Первые фотографии в Гагене.

Откинув голову, Дженет слизнула с губ мокрые снежинки и зажмурилась от острого ощущения счастья и свободы.

«Я здесь. Я приехала. Я смогла!»

Сердце рвалось скорее увидеть Ганса, но все же она решила не спешить. Ей нравилось смаковать эти моменты ожидания.

Хотелось насладиться свободой. Возможностью не спешить домой, чтобы приготовить Тревору ужин (всегда различные вариации на тему мяса и картофеля, поскольку он ничего другого не ел). Провести сколько угодно времени перед памятником Отто Эдуарду Леопольду фон Бисмарку — человеку, причастному к формированию той страны, которая станет ее вторым домом на все время личной свободы, которое ей отпущено. Долгим ли оно будет, ей неизвестно.

«Лучше прожить один день как лев, чем тысячу лет как ягненок», — любил повторять Тревор, расхаживая в шипованной кожанке и фуражке.

Разумеется, он бы не одобрил ее приезд, и в частности то, что она стоит перед памятником Бисмарку, словно перед алтарем. Тревор с предубеждением относился к Германии, и дело было не в войне. Он говорил, что у немцев нет чувства юмора. Что ж, Ганс доказал, что это не так.

И еще он заявлял, что немцы слишком рациональны, — можно подумать, это недостаток!

Надо заметить, что Тревор ко всему относился с предубеждением. Особенно он не любил крематории, говорил, что при виде их у него по телу бегут мурашки.

Ей же такие места казались увлекательными. И в этом вопросе их мнения не совпадали. Дженет всегда считала такое его отношение к крематориям странным, ведь он работал в похоронном бюро. Впрочем, если вспомнить пятнадцать лет их брака, то на что они смотрели одинаково? Резиновое белье? Наручники? Маски? Причинение боли друг другу? Доведение друг друга до сумасшедшего оргазма, случавшегося в редкие моменты отдыха от взаимных пыток? Побег от реальности, с которой оба не желали сталкиваться? Или тот факт, что они не могли — слава богу — иметь детей?

Было время, когда Дженет по-настоящему его любила. Глубоко, искренне, страстно, была готова ради него на все. Смерть всегда ее привлекала. Тянуло к людям, находящимся рядом со смертью. Тревор работал бальзамировщиком. У него был сертификат, висевший в рамочке в гостиной, извещавший, что он входит в Независимую ассоциацию бальзамировщиков.

Ей нравилось, что его руки прикасаются к ней. Руки, которыми он откачивал кровь из трупов, чтобы наполнить потом розовой жидкостью, которыми он наносил макияж на лицо мертвеца, укладывал волосы. Чем ближе она была к смерти, тем более живой себя ощущала.

Она часто раздевалась, ложилась ровно и просила Тревора делать с ней то же, что с трупом. Она любила ощущать на себе его руки, когда он исследовал ее тело. Медленно возвращая к жизни.

Лучший оргазм — совершенно точно лучший в жизни — она испытала в зале для бальзамирования похоронного бюро, когда рядом на тележках лежали два трупа.

Тогда Дженет отчетливо ощутила себя живой. Такое же чувство было у нее и сейчас. Она знала, что эти же чувства испытает с Гансом. Знала, была абсолютно уверена. Она будет счастлива с Гансом.

— Любовь не длится вечно, — ответил ей Тревор, когда она сказала ему однажды ночью, что несчастлива. — Счастье — это иллюзия, — добавил он. — Только идиот может быть счастлив двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Мудрый человек стремится стать цельным, а не счастливым. *Care diem*.

«Посмотри в лицо реальности, — произнес он, когда услышал от нее, что она уходит. — Ты можешь убежать, но не сможешь скрыться».

И она бежала.

Если вы ударите кого-то по голове большой палкой, и ударите достаточно больно, настанет день, когда и вас кто-то ударит. Сильнее и больнее.

Она не могла назвать число и время, когда все стало рушиться. Это не случается в один момент. Его нельзя определить, как местоположение на экране навигатора.

Это процесс медленный, похожий на эрозию.

Однако стоит принять решение, и пути назад нет.

Остается только продолжать бежать. Как говорил Тревор: «Убивает не падение, а внезапная остановка».

Сейчас Гаген стал для нее той внезапной остановкой. Это пугало почти так же сильно, как будоражило. По правде говоря, она многому научилась у Тревора.

— Я никогда не дам тебе уйти, — ответил он на ее предложение расстаться. Возможно, они могли стать счастливы порознь. Затем он сильно ударил ее по лицу, за то, что она такое предложила; Дженет несколько дней не могла ходить на работу, вышла, лишь когда прошли

синяки и сняли швы. Как обычно, она его не выдала, сказала врачам, что упала с велосипеда.

Через много лет Дженет пришла к выводу, что столь сильные перепады его настроения происходят из-за диабета. Уровень сахара падает, и он становится агрессивным и резким. Стоит ему подняться, он превращается в послушного ягненка.

Дженет вернулась по тропинке к машине и вскоре опять ехала по шоссе, разглядывала симпатичные домики и размышляла, в каком из них жил Ганс до развода. Через несколько минут она опять была на Бергишер-Ринг и свернула направо. Проехала мимо рыночной площади с колесом обозрения, заметила установленные вдоль бордюров декорации — такие готовят для рождественских кукольных представлений. Одна представляла собой огромных бородатых гоблинов с молотками. Напротив стояли две маленькие девочки, держа за руки мать, и с удивлением их рассматривали.

Притормозив на светофоре, Дженет посмотрела на девочек, а потом, с грустью, на их мать. Сорок — это не поздно. Может, и у них с Гансом будут дети.

Две маленькие девочки? И в один прекрасный день она — хаузфрау из Гагена — так же будет стоять здесь, держать детей за руки, а они будут любоваться на бородатых гоблинов.

До Рождества всего три недели. Дженет проснется утром в день Рождества в новой стране, в объятиях нового мужчины.

Проехав еще немного, она заметила слева светящуюся витрину магазина с развешанными — точно фруктами на дереве — колбасами и сосисками. Над дверью сверкала огнями вывеска: «Wursthaus König». Она остановилась, чтобы свериться с картой, затем проехала немного вперед, свернула налево в переулок, миновала ресторан и оказалась прямо у входа в гостиницу, которую нашла в Интернете.

Ганс предлагал ей жить у него. Однако после одного свидания — пусть и закончившегося таким сильным оргазмом, которого она не испытывала несколько лет, — будет лучше ничем себя не связывать. Сохранить независимость. Так, на всякий случай.

Дженет достала с заднего сиденья один чемодан и покатила его в фойе. Там было тихо и темно, стойка портье справа и лестница прямо перед дверью. Поднявшись со стула, над стойкой навис «живой труп», и она назвала свое имя. Все казалось здесь старым и потертым. В таких местах и останавливались агенты по продажам, и за годы разъездной работы ей не раз приходилось ночевать в подобных условиях. Мужчина протянул ей карточку для заполнения и спросил, не нужна ли помощь с багажом.

— Нет, — равнодушно ответила она, заполнила анкету и приложила к ней паспорт.

Портье передал ей конверт:

— Для вас послание.

Она знала лишь одно слово по-немецки, которое и произнесла:

— Дайке. — И вышла, чтобы принести второй чемодан. Нетерпеливо пальцы разорвали конверт ногтями — ногтями, покрытыми лаком, чтобы понравиться ему.

Гансу.

В записке говорилось: «Встретимся в крематории. Целую».

Дженет улыбнулась. Какой же порочный мужчина!

«Труп» помог ей подняться на два лестничных марша в номер, такой же унылый, как и все в этом отеле. Хорошо лишь то, что из окна она могла видеть улицу и приглядывать за машиной. Это ее порадовало. Открыв чемодан, она переделалась, брызнула духами во все места — кроме одного, — от которого Ганс, как она помнила, не отрывал губ большую часть их прошлого свидания.

Через двадцать минут, когда уже наступили сумерки, дважды сбившись с верного пути, Дженет наконец въехала на почти безлюдную стоянку у крематория. Точнее сказать, на ней была лишь одна машина — старый «мерседес» коричневого цвета, перекошенный на одну сторону, будто у него была повреждена подвеска.

Дженет вышла, закрыла все двери и огляделась.

Пожалуй, это самая красивая стоянка из всех, что она видела в жизни. Окружена идеально подстриженными кустами, ухоженными деревьями и цветниками — настоящий ботанический сад. Здесь пропадало ощущение, что на улице декабрь; даже пахло весной. Цель была ей ясна — это сделано для людей, провожающих близких в последний путь.

Она пошла по дорожке достаточно широкой, чтобы можно было проехать на автомобиле, вдоль рядов деревьев и черных уличных фонарей.

Предвкушение подгоняло ее, и она шла все быстрее, дыхание становилось сбивчивым. Боже, как она нервничает. В животе кружились тысячи бабочек. Каблуки с хрустом врезались в песчаник; на зубах хрустел холод — возможно, от волнения.

Дженет прошла через открытые чугунные ворота, миновала неприглядное одноэтажное строение, увитое плющом, с мемориальными досками на стенах.

А потом она увидела впереди еще одно здание.

И встала как вкопанная.

Сердце забило сильнее от восторга.

Вот черт! Ничего себе!

Это крематорий?

Перед ней было одно из самых красивых творений архитекторов, которое ей доводилось видеть в жизни. Прямоугольное здание в стиле ар-деко чистейшего белого цвета с портиком, крышу которого поддерживали квадратные колонны из черного мрамора, высокие, как иллюминаторы на корабле, окна инкрустированы черным камнем. Крыша была выложена красной черепицей.

Дженет была поражена увиденным.

К портику вела лестница с балюстрадой, с которой были хорошо видны ряды надгробий, уходящие вниз широкими террасами, напоминающими ей полянки в лесу.

«Вот где я хотела бы лежать, когда умру. Пожалуйста, Господи. Прощу Тебя.

Прощу тебя, Ганс!»

Она поднялась по ступеням и открыла дверь, которая, к ее удивлению, была не заперта и поддалась, не издав ни звука. Войдя внутрь, замерла. Теперь ей было понятно, почему крематорий признан одной из важнейших достопримечательностей Гагена.

Здесь казалось, что ты переступил черту и находишься внутри одной из картин Мондриана. С одной стороны от нее была стена в вертикальные черные и белые полосы с квадратами в центре, различными по высоте, ширине и глубине. С другой — куполообразный потолок с изображенными на золотом фоне фигурами — псевдосвятыми, выше опять та же кубическая картина.

Под куполом был расположен алтарь, белый крест возвышался над резервуаром, похожим на большую пивную бочку.

Дженет смотрела на нее во все глаза и подпрыгнула от неожиданно громкого звука. Внушающий ужас рев и скрежет запущенного гигантского механизма. Бочка начала подниматься вместе с белым крестом, заставляя похолодеть от страха. Теперь перед ней разворачивался занавес из серого шелка, открывая выехавший гроб. Дженет смотрела на него

словно загипнотизированная. Скрежет заполнил все помещение.

Все стихло так же внезапно, как и началось.

На несколько мгновений сделалось неестественно тихо.

Крышка гроба стала открываться.

Дженет вскрикнула.

Затем она увидела улыбающееся лицо Ганса.

Он отбросил крышку, и она с гулким стуком упала на пол. Он стал выбираться, широко улыбаясь. На нем была расстегнутая на груди спецовка, рабочие штаны и грубые ботинки.

Дженет стояла и смотрела на него, потеряв дар речи, ощущая, как ужас сменяется восторгом. Он был еще красивее, чем ей запомнилось. Высокий, мощный и дьявольски прекрасный.

Он встал рядом и был значительно выше ее.

— Мой чудесный ангел, — сказал он. — Ты здесь! Ты приехала! Ты действительно приехала!

— Ты думал, я не решусь?

— Мой храбрый ангел, — говорил он. — Мой храбрый английский ангел.

Он обхватил ее сильными руками и крепко прижал к себе — так крепко, что она ощущала все выступы и впадины его тела. А потом он ее поцеловал. Дыхание было сладким, с примесью табака, чеснока и пива, это был тот вкус мужчины, который она помнила и любила.

Дженет ответила, поцеловала его жадно, страстно, глубоко, языки их то находили, то теряли друг друга.

Наконец она оторвалась от него, тяжело дыша, и они стояли лицом к лицу, глядя в глаза друг другу.

— Итак? — произнес он. — Нас ждет работала?

Дженет опустила руку, провела по его брюкам и сжала пальцы.

— Да, — улыбнулась она, чувствуя, как Ганс резко выдохнул.

— Но сначала надо поработать. — Он усмехнулся.

— Сначала надо заняться любовью.

— Ах ты, маленькая шалунья.

— Ты меня накажешь?

— Ну, посмотрим, да? А ты была плохой девочкой? Ты очень плохо себя вела?

Она гордо кивнула и отступила на шаг.

— Очень-очень, — ответила она, по-детски сунув в рот палец.

— Расскажешь?

— Я покажу.

Он широко улыбнулся:

— Подгони машину, а я все подготовлю.

Через пять минут Дженет остановила машину у выхода в торце крематория и посмотрела на зеленые двери лифта. Заглушив мотор, она выбралась наружу, и в этот момент двери разъехались и появился Ганс с гробом на тележке. У него было странное выражение лица, он впился в Дженет глазами так, что ей внезапно стало не по себе.

Она перевела взгляд на гроб, потом опять на Ганса. Затем опять на гроб.

Неужели она жестоко ошиблась? Она здесь одна, все мосты сожжены, а следы заметены.

Неужели попала в ловушку?

Никому дома в Истбурне не было известно, куда она уехала. Никому в целом мире. Кроме Ганса. Тьма сгущается над крематорием, а она стоит напротив него и смотрит на открытый гроб.

Ей показалось, что все ее внутренности в одну секунду превратились в кусок льда. Неожиданно захотелось очутиться дома, где было спокойно и безопасно. Скучно, но безопасно. С Тревором.

Все это было сейчас невыполнимо.

Ганс улыбнулся. Знакомой улыбкой большого милого Ганса. Лед внутри стал таять, будто подчиняясь вспышке тепла.

— В багажнике? — спросил он.

Дженет кивнула и открыла дверцу. Несколько минут они молча смотрели на черную пластиковую обшивку изогнутой формы.

— Проблем не было? — спросил он, обняв Дженет за талию и уткнувшись ей в ухо.

— Он был просто золотым мальчиком, — произнесла она, дрожа от прикосновений Ганса. — Стал тихим, как ягненок, после того как я заменила инсулин водой с растворенным сахаром. Но он был тяжелым. Мне с трудом удалось запихнуть его в багажник.

«Было бы желание, а возможность найдется», — любил говаривать Тревор. Особенно радовало то, что он давно написал завещание, оставив все имущество, естественно, ей.

— Хорошо, что он не толстый, — заметил Ганс, разворачивая тело. — У меня есть два трупа, ожидающих кремации, и один как раз худой. Свидетельство о смерти я от врача получил, все готово. Он уместится в гробу вместе с тощим. Никто ничего не узнает.

Когда они спустились в подвал, выкатив перед собой гроб с телом, Дженет сразу узнала и бежевые панели, и металлические трубы, приборы, циферблаты... Над одним было написано: «Riprtapp», и над другими тоже, а также над схемой электрической проводки. Под ней стояли два гроба с открытыми крышками.

Спустя несколько минут у худого обитателя одного из них появился сосед. Ганс закрыл крышку и закрутил болты.

Затем он повернулся к Дженет и улыбнулся дьявольской улыбкой.

Еще через несколько минут, после того как он нажал несколько кнопок, механические двери закрылись, рев машины достиг крещендо, и они видели через смотровое окно, как языки пламени охватили оба гроба.

Дженет почувствовала, как рука Ганса ложится ей на талию. Медленно, снимая одежду, они опустились на пол.

Дым взметнулся из трубы в ночное небо. Они любили друг друга, температура в печи постепенно достигла возможного максимума, и то же происходило с их телами.

Утром Ганс выгреб из печи несгоревшие кости, измельчил в порошок и смешал с прахом. Они вышли из крематория, крепко держась за руки. Мир, подсвеченный предрассветными лучами, казался красивее и ярче. Птички весело напевали свои песни.

Ганс обнял Дженет и прошептал на ухо:

— Знаешь, мой английский ангел, я никогда не дам тебе уйти.

Он говорил так же, как Тревор. Она поцеловала его и прошептала в ответ:

— Не стоит испытывать судьбу.

— Что это значит? — спросил он.

Она улыбнулась в ответ.

Афродизиак Венеция

Перед их первой поездкой в Венецию Джонни сказал жене, что у него там дела. Джой объяснила мужу желание поехать необходимостью повидать итальянских родственников.

В большом обшарпанном номере отеля, выходящего окнами на Гранд-канал, они сорвали друг с друга одежду, даже не распаковав вещи, и занялись любовью под мерные удары воды и шум проносащихся водных такси. Джой была ненасытной; они оба были такими. Они занимались любовью утром, днем и вечером, прерываясь лишь на еду, чтобы подпитать свою энергию. Во время этой поездки они с трудом выкроили немного времени, чтобы посмотреть достопримечательности. Они видели только друг друга, жадно впивались взглядом в обнаженные тела. Знали, что у них мало времени.

Джонни прошептал ей, что Вуди Аллена, фильмы которого они оба любили, однажды спросили, считает ли он секс грязным? Вуди Аллен ответил: «Только если все делать правильно».

Поэтому они все делали правильно. Раз за разом, еще и еще. А в моменты отдыха много смеялись. Джонни говорил Джой, что она самая сексуальная из всех людей на Земле. Она утверждала, что нет, это он самый сексуальный.

Однажды, когда он был глубоко внутри ее, она прошептала ему на ухо:

— Давай дадим друг другу слово возвращаться сюда каждый год и заниматься любовью в этой комнате.

— Даже после смерти? — спросил он.

— Почему бы нет? Ведь после смерти тело становится твердым. Как весло гондольера!

— Ты испорченная женщина, Джой Джексон.

— Ты бы не любил меня, будь я другой, мой похотливый дьявол.

— Мы станем призраками и вернемся, правда? И поселимся в этом номере.

— Именно так!

Через два года каждый получил развод, и они поженились.

Медовый месяц провели в Венеции, в той же гостинице — бывшем палаццо, в том же номере. И опять, как и в первый раз, они поклялись возвращаться в этот отель каждый год в годовщину свадьбы. В первые годы они сбрасывали одежду, прежде чем распаковывать чемоданы. Часто после обеда в ресторане чувствовали такое сильное сексуальное возбуждение, что не всегда успевали добежать до гостиницы.

Однажды они любили друг друга в пришвартованной к берегу гондоле. Потом под мостом Риальто. И еще под несколькими мостами. Венеция стала для них афродизиак. Они наслаждались коктейлем «Беллини» в их любимом кафе на площади Сан-Марко, торопливо пили большими глотками восхитительные вина из Фриули и обедали морепродуктами в любимом ресторане «Корте Сконта», который никогда не могли найти с первого раза. Так было каждый год.

Иногда утром, отдавшись страсти, они садились в водное такси и пили кофе и траппу, встречая рассвет на Лидо. А потом, вернувшись в тусклый номер, фотографировались обнаженными и снимали, как занимаются любовью. Однажды они, смеясь, сделали из гипса копии своих гениталий, как выразился Джонни. Они были полностью во власти страсти, ничто не могло их остановить или изменить.

В одну из первых годовщин они посетили Изола-ди-Сан-Микеле — остров-кладбище

близ Венеции.

Глядя на могилы, Джонни спросил:

— Ты уверена, что будешь хотеть меня, когда я умру?

— Может, даже больше, чем при жизни! — ответила она. — Если такое возможно.

— Мы бы гремели костями, понимаешь? Если бы оба были скелетами.

— Будем делать это тихо, чтобы не перебудить все кладбище.

— Ты очень плохая девочка, — произнес он и поцеловал ее в губы.

— Ты бы не любил меня, будь я хорошей, верно?

— Нет. Думаю, нет.

— Ну-ка, проверим!

Это было тогда. С тех пор прошло тридцать пять лет.

Они хотели создать крепкую большую семью, но у них не вышло. Некоторое время они не сдавались, и это было весело, но потом смирились с неудачей. С тех пор много воды утекло под мостом.

Точнее, под каждым из четырехсот девяти мостов Венеции, и они проходили почти по всем из них. Джонни каждый раз помечал их галочкой на карте, которую неизменно привозил с собой, покрытую пятнами от кофе и все более мятую и потрепанную.

Джой поняла, что Джонни стал педантом.

— Мне нравится, когда вещи аккуратно лежат в коробках, — говорил он.

И повторял слишком часто.

— Я шучу, — вскинул он брови, когда Джой заявила, что больше не может об этом слышать.

Люди многое говорят как бы шутя, но на самом деле не шутят. В его голове формировался план на будущее. План на будущее без нее.

В их лучшие времена они оба любили венецианское стекло и часто посещали любимую фабрику на острове Мурано — Новита Мурано. В их доме в Брайтоне было немало украшений из стекла — вазы, подсвечники, пресс-папье, статуэтки, кубки. Множество вещей из стекла. Говорят, люди, которые живут в стеклянном доме, не должны бросать камни. И они не бросали. В прямом смысле. Только в переносном, но все чаще и чаще.

Первый камень был брошен в тот день, когда она заглянула в его компьютер.

Джонни был офицером полиции — служил в отделе расследования убийств. Она работала в специальном аналитическом подразделении того же департамента. В сорок девять лет он ушел на пенсию и заскучал. Потом нашел работу в отделе заказов компании, торгующей по каталогу, они продавали картинки-карикатуры с изображением животных. Лучше всего продавались те, на которых был изображен бык и сделаны подписи: «Бычара», «Бычок» и прочее.

Джонни целыми днями сидел за компьютером, занимаясь работой, которую терпеть не мог, ненавидел все, от безвкусных картинок до людей, которые их покупали. А потом возвращался домой к женщине, которая сама с каждым днем все больше походила на быка. Он искал развлечения в компьютере и начал с посещения порносайтов. Вскоре он создал несколько профилей, используя различные вымышленные имена.

Закончилось все тем, что Джой залезла в его компьютер, когда он ушел играть в гольф — по крайней мере, таково было его объяснение. Он никогда не был членом ни одного гольф-клуба. Его интересовали лунки и удары совсем другого рода. Выслушав неопровержимые

доказательства, он признался.

Он был голый и возбужденный виртуальными партнершами. На нее он уже давно так не реагировал.

Так было и на тридцать пятую годовщину их свадьбы, когда они вернулись в еще более ветхое палаццо на Гранд-канале. Каждый был занят своими мыслями, отличными от тех, что обуревали их в пьянящие дни медового месяца и последующие несколько лет.

Он планировал убить жену здесь, в Венеции. Еще в прошлом году он задумал покончить с ней во время выходных в Берлине предстоящей весной. А в предыдущий год хотел сделать это в Барселоне. И каждый раз неожиданно для себя отказывался от намеченного. Бывший сыщик, он отлично знал, как организовать убийство, но также ему было известно, что лишь немногим преступникам удается все сделать идеально. Они совершают ошибки в самый неподходящий момент. Ведь достаточно оставить мельчайший след — волокна одежды, волос, окурков, отпечаток, след, попасть в объектив камеры наблюдения. И еще много чего.

Некоторые слова зафиксировались в его сознании после многих лет печального опыта. *Мотив. Тело. Орудие убийства.* Это были первые помощники в деле изобличения убийцы. Отсутствие хотя бы чего-то одного все осложняет, трех — делает практически невозможным.

Прежде всего необходимо было найти способ избавиться от тела. Потом от орудия убийства (с которым он еще не определился). Что же касается мотива, кому известно, что он у него есть? Кроме глупых подруг Джой, с которыми она постоянно сплетничала.

Венеция была отличным местом для убийства. Джой не умела плавать, и Венецианская лагуна была подходящим местом для того, чтобы утопить человека, недостаток лишь в том, что она слишком мелкая. Также в Венеции много старых зданий с опасными ступенями, на которых легко потерять равновесие. Окна же такие огромные, что из них несложно выпасть и разбиться насмерть.

Прошло уже много лет с той поры, когда они, едва переступив порог номера, срывали с себя одежду. Вместо этого Джонни сел и сразу, по обыкновению, включил компьютер. На легкую головную боль он старался не обращать внимания. Джой съела плитку шоколада, которую нашла в минибаре, затем опустошила банку орешков, а потом очередь дошла и до кофе с печеньями, предоставленными отелем в качестве презента. После этого она прилегла отдохнуть, сославшись на усталость после перелета. Проснувшись, она подошла к Джонни и заглянула через плечо, чтобы проверить, не общается ли он с кем-то в чате на одном из своих любимых порносайтов.

К счастью, он уже закончил переписываться с новой любовью, Мэнди, миниатюрной приятной женщиной и разведенной. Они познакомились в тренажерном зале, куда Джонни продолжал захаживать, чтобы сохранить все шесть кубиков пресса. Он планировал вернуться из Венеции свободным.

«Беллини» в их любимом кафе стал совсем другим, его больше не готовили из свежего персикового сока и настоящего шампанского. В Венеции все больше пахло стоками. Ресторан их порадовал, как и прежде, но Джонни почти не ощущал вкус еды, он был погружен в свои мысли. Головная боль усиливалась. Джой выпила бутылку белого вина почти одна, а до этого «Беллини», в который добавила двойную порцию водки — опасная смесь. Они должны провести в городе еще шесть ночей. Раньше дни пролетали, как один миг, теперь же он с ужасом думал, чем занять хотя бы завтрашний день. Если повезет, ему не придется об этом заботиться.

Он подозвал официанта и попросил принести счет, кивнув на полусонную,

окончательно опьяневшую жену. Было важно, чтобы официант это запомнил.

«Да, мадам здорово перебрала, муж изо всех сил пытался ей помочь...»

Шатаясь, они прошли по узкой улочке и вышли на мост, дугой перекинутый через канал. Вдалеке гондольер пел свою серенаду.

— Ты целую вечность не катал меня на гондоле, — глотая буквы, произнесла Джой. — Я и весло твое уже много лет не чувствовала. Может, покажешь сегодня?

«Пусть лучше мне желчный пузырь удалят без наркоза», — подумал он.

— Хотя вряд ли это возможно, — зло усмехнулась Джой. — У тебя и весла-то уже нет. Осталась только дохлая мышь.

Всплески воды становились ближе, а пение громче.

Под ними проскользнула гондола. В ней, обнявшись, сидели молодые мужчина и женщина, влюбленные друг в друга, как они когда-то. Как теперь он и Мэнди Brent.

Джонни смотрел на чернильную гладь с двумя отражающимися размытыми тенями.

Затем осталась одна.

Джой почти сразу поняла, что возникла проблема, она закричала, начала звать на помощь, просить вызвать врача и скорую помощь. Несколько часов спустя добродушный нейрохирург на ломаном английском объяснил ей, что никто бы не мог ничего сделать в такой ситуации. У ее мужа была мозговая аневризма. Он скончался мгновенно.

Настоящие проблемы начались у Джой по возвращении в Англию, когда тело Джонни уже перевезли. Нотариус сообщил ей, что половину своего недвижимого имущества — дома, в котором они жили, — он оставил женщине, чье имя было ей совершенно незнакомо. Затем она услышала ее голос по телефону — она желала обсудить детали похорон.

— Его кремируют, — сказала Джой.

— А мне он говорил, что хочет быть похороненным в могиле, — настаивала Мэнди Brent. — И мне это больше нравится. Будет место, где я смогу посидеть рядом с ним.

«Еще одна причина кремировать тело», — подумала Джой. Но была и другая проблема, которая занимала ее мысли. Проблема более серьезная.

На следующий год, в тридцать шестую годовщину их свадьбы, Джой приехала в Венецию и остановилась в том же номере отеля. Достав из чемодана урну с прахом, она поставила ее на подоконник и долго не сводила взгляд с нее и Гранд-канала на заднем плане.

— Помнишь, в чем мы поклялись друг другу, Джонни? Помнишь? Что мы обещали? Вот, я помогаю нам сдерживать слово.

На следующее утро она взяла водное такси и отправилась на Мурано. Она встретила с хорошо знакомым вежливым сотрудником фабрики Валерио Барберо — он помогал им каждый год со дня их первого визита на остров. Сейчас он был уже пожилым сутулым человеком, готовящимся в скором времени уйти на пенсию. Он выразил Джой сочувствие, сказал, что очень расстроен, ведь сеньор Джонни был хорошим человеком. Затем, спокойно, будто это было делом обычным, взял из ее рук пакет и заверил, что все будет сделано через три дня.

Так и было. Джой с трудом сдерживала радость, когда возвращалась на водном такси в Венецию. На площади Сан-Марко она почти залпом проглотила два «Беллини» подряд — для настроения, как она решила.

Вернувшись в отель, повесила на дверь табличку «Не беспокоить» и заперлась на ключ изнутри. Развязав симпатичную голубую ленточку, открыла коробку и достала два предмета.

Первым была гипсовая копия гениталий Джонни, она была сделана много лет назад, когда они были больше пьяны, чем обычно. Второй предмет представлял собой то же самое, но уже из стекла и был заполнен прахом из урны.

Медленно, стараясь, чтобы не рассеялся туман после коктейлей, она разделась и легла на спину в постель.

— Помнишь, Джони? — прошептала она. — Помнишь, что мы обещали друг другу, когда приехали в первый раз? Что будем всегда приезжать сюда и заниматься любовью? Ты еще волновался, как сможешь сохранить эрекцию, если будешь уже мертв. Теперь тебе не стоит об этом беспокоиться.

Она принялась ласкать гладкое стекло. Твердое, как камень.

Как весло гондольера.

Таким она его помнила.

Время богатых

«Богатый мужчина, 39 лет, некурящий, высокий, с хорошим чувством юмора, познакомится с женщиной для веселого времяпрепровождения, дружбы, но, возможно, и большего...»

Совсем не значит, что я неверен своей жене, если сижу в три часа ночи в своем кабинете и печатаю объявление на сайте знакомств, в то время как она спит за стеной.

Потому что я делаю это не от своего имени. Не от имени олигарха Клива Талбота, чьи кредитные карты заблокированы все до одной, обладателя БМВ, который скоро будет конфискован, и главы компании, ожидающей закрытия в ближайшие недели. Говорят, если ты не добился к сорока, не добьешься никогда. Что ж, мне осталось ждать этой даты шесть месяцев, и я намерен сделать так, чтобы у меня на лбу никогда не появилась надпись: «Лузер».

Нет, сэр.

Проблема лишь в том, что на данный момент я владею одной ценной вещью — золотыми часами «Ролекс», которые купил много лет назад, сорвав значительный куш в покер. Они действительно крутые, но не являются достойным выражением многих лет упорного труда, верно?

Итак, позвольте представить — Себастьян Деврис, привлекательный, обходительный, бизнесмен и светский человек, который в данный момент переписывается с богатой дамой по имени Мария Андрополис. За последний час она излила мне — простите, Себастьяну — душу. Рассказывала о браке с одним из русских нефтяных олигархов. Устав от его постоянных измен и скандалов, она решила завести роман — а может, и найти истинную любовь, если повезет, — наслаждаться жизнью и ждать развод, который непременно получит. Конечно, это только мое предположение, возможный вариант развития событий, если я разыграю партию верно...

На мое счастье, она в восторге от всего, что знает о Себастьяне Деврисе! Через три дня у нас свидание, она забронировала столик в своем любимом и самом крутом ресторане Лондона — «Уолсли». Я совсем недавно нашел ее на ParkLaneIntroductions.com, это обычный сайт знакомств с той лишь разницей, что он для очень богатых людей. Состоятельные мужчины и женщины ищут здесь приключений. Разве не лучшее место подцепить богатую дамочку? О сайте я узнал от одного из своих клиентов, и еще он сказал, что, поскольку женщин зарегистрировано несравнимо больше, достойные мужчины получают бесплатное членство сроком на шесть месяцев. И поверьте, Себастьян Деврис заслужил это право!

Знаете, на кого похож Себастьян? Люди часто говорили мне, что у меня есть что-то от Дэниела Крэйга. Возможно, они правы, но мне кажется, что я интереснее. Во мне чувствуется класс. Я больше похож на героя книг Яна Флеминга и обладаю тем, чего никогда не будет в Крэйге. Мое образование было частным, ну, по крайней мере, два года, пока отца не посадили, и маме пришлось забрать меня, поскольку у нее не было денег. Но это совсем другая история.

На улице идет дождь. Ветер ближе к дате осеннего равноденствия приносит дождь, и капли его барабанят в окно, царапая душу, большее писем, которые я ежедневно получаю от коллекторов. Правда в том, что я веду не ту жизнь, для которой был рожден. Моя компания

почти разорена. Сейчас я работаю финансовым консультантом на подонка, который никогда не платит мне комиссионные за те страховые полисы, которые я продаю людям, те налоговые схемы, на которые их подсаживаю, и смехотворные выплаты, которые им обещаю.

А моя глупая женушка Элисон еще больше усугубляет положение, покупая ежедневно ненужные кремы, идиотские наряды и оплачивая обеды, которые мы не можем себе позволить. Не помню, кто сказал, что большинство людей тратит жизнь, занимаясь делом, которое ненавидят, чтобы заработать деньги, которые им не нужны, на которые они покупают вещи, которые им не нравятся, и все ради того, чтобы произвести впечатление на людей, к которым не испытывают симпатии. Так вот, я зарабатываю, а Элисон делает все остальное.

В последующие два дня мне с трудом удавалось сосредоточиться на работе. Я воспользовался последней незаблокированной кредитной картой, которая еще позволяла держаться на плаву, и купил в магазине на Сэвил-Роу крутой костюм, сорочку, галстук от Ричарда Джеймса, а также черные замшевые лоферы от «Кровет и Джонс» в Берлингтон-аркаде. Элисон говорит, что я странно себя веду, и постоянно спрашивает, что случилось. Я ее обманываю, что несложно сделать после двадцати лет брака с женщиной, единственным достоинством которой сейчас для меня стала ее скромная зарплата секретарши. Я говорю, что все в порядке, и доказываю это, заводясь от предвкушения того, что ждет меня завтра. Мы занимаемся любовью, и во мне вспыхивает такая страсть, о существовании которой я и не подозревал. Надеюсь, красавица Мария Андрополис тоже будет ценить все месяцы, а может, годы, которые нам предстоит провести вместе.

Наконец я в огромном и шикарном зале, декорированном в черно-белых тонах, где собрались лучшие люди Лондона. Метрдотель в черном, с прекрасными манерами, ведет меня мимо столиков с богатой, успешной публикой к женщине, чьи внешние данные значительно превосходят то, что я видел на фотографии в Интернете.

Светлые волосы растрепаны так, как могут только после укладки за триста фунтов в лучшем салоне. На ней платье с высоким воротом леопардовой расцветки, облегающее стройную фигуру. Она будто хочет заявить всем своим видом: «Я красива, богата и знаю это». Зубы у нее цвета снега, и это очаровывает. В ней есть настоящий шик. И сиськи у нее классные — прошу простить за грубость.

Язык ее тела говорит, что и я произвел на нее впечатление. Я сажусь, и мы смотрим в глаза друг другу, улыбки не сходят с наших лиц.

Она приветственно поднимает бокал шампанского, а через несколько мгновений рука невидимого официанта наполняет мой фужер из бутылки «Кристалл» 1990 года.

— Ты намного лучше, чем на фотографии, Себастьян, — говорит она.

— Ты тоже. — Я стараюсь не таращить глаза, разглядывая кольца на ее пальцах, браслеты, ожерелье, серьги и телефон «Верту», лежащий рядом на скатерти.

Я настолько очарован ею, что мы успеваем начать вторую бутылку шампанского до того, как нам приносят закуски (она заказала устрицы и белугу). Мне даже приходится несколько раз напомнить себе, что я пришел не наслаждаться жизнью, а по делу.

Темы для разговора находятся сами. Сначала банальные — какое прекрасное место Лондон для любителей искусства. У нее чуть хрипловатый голос с центральноевропейским акцентом, который мне кажется очень милым. К тому же в ее глазах я постоянно читаю:

«Возьми меня».

На столе появляется огромное блюдо с устрицами, и к тому моменту, как оно пустеет, заканчивается и вторая бутылка шампанского. Третья уже заказана. Мария смотрит на часы. Не знаю, из чего они сделаны, но их украшают бриллианты размером с мелкую гальку.

Внезапно я замечаю то, чего не увидел сразу. То, как она покручивает пальцами самое дорогое из всех украшений — кольцо с камнями по всему кругу, возможно подаренное в честь помолвки. Поворот, поворот, еще поворот.

Меня это гипнотизирует.

Никогда в жизни я не видел таких крупных бриллиантов.

Постепенно разговор становится все откровеннее, и она рассказывает о своем подонке муже. Она продолжает время от времени поглядывать на часы, и я нервно спрашиваю, не наскучил ли ей. Она извиняется и объясняет, что в три часа прибудет водитель, чтобы забрать ее, — ей предстоит произнести речь в отеле «Савой» на собрании благотворительного комитета «Женщины против бедности», председателем которого она является.

— Мне нравится, когда мужчины носят «ролекс», — говорит она и кокетливо улыбается. — А голый мужчина с «ролексом» на запястье меня очень возбуждает.

И вот тогда я радуюсь тому, что нас разделяет стол и она не увидит, как меня заводит такое высказывание.

— Это можно организовать, — говорю я.

— Мне бы очень хотелось, — отвечает она и принимается покручивать кольцо. — Прости, палец болит — у меня артроз. Повредила суставы, когда отбивалась от мужа. Иногда приходится снимать кольцо, чтобы боль прошла.

Пытаюсь представить себе ее мужа. Вспоминаю фотографии русских магнатов, которые видел в газетах, и понимаю, что ненавижу этого человека всем сердцем. Появляется желание увезти ее с собой, защитить, заняться любовью и...

Что-то я забылся. Я здесь совсем не для этого. Всему виной шампанское и пьянящее очарование моей спутницы.

Звонит ее телефон. Она отвечает кратко:

— Да. Ты у входа? Хорошо.

Не успеваю опомниться, как она уже встает.

— Мне бы хотелось увидеть тебя снова, — говорит она.

— Мне тоже.

Мария протягивает мне элегантную визитную карточку и записывает в телефон мой номер. Наклонившись, быстро целует меня в щеку. Ее прикосновения и аромат духов заставляют мое сердце биться сильнее.

Она разворачивается, чтобы уйти, подходит к двери и сталкивается с бритоголовой гориллой в сером костюме и белой водолазке, появившейся словно ниоткуда, ничего не видящей перед собой, сосредоточенно разговаривающей по телефону. Она отскакивает от него как мячик, налетает на официанта, держащего в руках поднос с красиво украшенным блюдом. В следующую секунду моя новая знакомая и официант падают на стол, и все стоящее на нем разлетается в стороны, затем пара, похожая на сцепившихся в схватке борцов, скатывается на пол. Не веря глазам, я вскакиваю с места, чтобы броситься на помощь. Их окружают строгие и элегантные официанты.

Мария улыбается мне, с ней все в порядке. Как и мартини Джеймса Бонда, ее встряхнуло, но не перемешало. Пробившись через толпу людей, она целует меня на

прощание.

Туман от выпитого шампанского немного рассеивается, и тут я понимаю, что мы не оплатили обед. Все в порядке; полагаю, его запишут на ее счет. Допив оставшуюся половину бутылки шампанского, я заказываю двойной эспрессо и — черт с ним! — приличный арманьяк к нему.

Звонит мой телефон. Это Мария. Сердце падает, когда я понимаю по ее голосу, что возникли проблемы. Похоже, она в ужасном состоянии.

— Себастьян, прошу тебя, помоги. Я потеряла кольцо!

— Кольцо?

— Обручальное кольцо, подарок Алексея. Оно стоит около трехсот тысяч фунтов. Если он не увидит его на мне, я пропала!

— Где ты его потеряла? — упавшим голосом спрашиваю я.

— Должно быть, оно слетело с пальца, когда я упала с этим чертовым официантом! Посмотри на полу. Прошу тебя, у меня совсем нет времени этим заниматься: через несколько минут начинается мое выступление. Ты сможешь меня выручить?

— Разумеется. — Я уже оглядываю пол вокруг себя.

— Мне надо его вернуть.

Ее волнение меня трогает.

— Дорогой, если ты его не найдешь, извести весь персонал в «Уолсли», что я выплачу десять тысяч фунтов тому, кто его найдет.

— В этом нет необходимости.

— Милый, десять тысяч для меня не деньги. Алексей зарабатывает их за двадцать минут. Договорились? Умоляю, найди его.

Кажется, она плачет.

— Я найду его. Тебе не придется платить, обещаю.

Я откровенно лгал. План уже сложился в моей голове. Отличный план, потому что, вместо того чтобы затуманивать мозг арманьяком, я принялся думать.

Встав на колени, я стал ползать по полу, пытаюсь отыскать кольцо. Бормоча извинения, я шарил под столами, натываясь на ноги обедающих, отодвигая в сторону сумки, вдыхая запах дорогой кожи. Кольца нигде не было. Через несколько минут, извинившись десятки раз, я сел на место и принялся размышлять. Она ведь могла потерять его на улице, верно?

Если так, то мои шансы невелики. Внезапно в глаза ударили лучи света. К моему удивлению, я увидел гориллу, с которой столкнулась Мария, сидящим за соседним столиком. В руках он вертел что-то блестящее и внимательно разглядывал.

Это же кольцо Марии! Я был уверен в этом, как никогда.

Пока я принимал решение, горилла и еще одна такая же обезьяна в вульгарном костюме встали и направились к выходу. Я вскочил с места.

— Послушайте! — Я бросился за ними, но был вынужден остановиться в узком проходе между столами, увидев перед собой официанта с подносом напитков. К тому моменту, как я протиснулся мимо него, гориллы уже миновали толпу людей в фойе, ожидавших кто пальто, кто свободный столик, и вышли на улицу.

Когда я был у дверей, путь мне преградил человек в черном.

— Ваш счет, сэр? — спросил он.

— Он... все в порядке... пусть запишут на счет Марии Андрополис.

— Простите, сэр, — продолжил мужчина с учтивой улыбкой. — У посетителей нет

здесь счетов.

— Но... она сказала... — Я смотрел на него в недоумении. Возможно, она забыла обо всем из-за той неразберихи, произошедшей во время ее ухода. Я растерянно огляделся и увидел, как двери закрываются за спинами горилл, а с ними уходят и мои десять тысяч фунтов.

Вытащив спасительную кредитку, я вложил ее в руки официанта и сказал, что вернусь через несколько минут. Я выбежал из ресторана, промчался мимо швейцара в ливрее и остановился на улице, поворачивая голову то влево, то вправо, чтобы понять, в какую сторону по Пикадилли они направились.

Они шли вдоль тротуара и были совсем рядом.

Сделав рывок, я догнал их.

— Добрый день, — тяжело дыша, произнес я, обращаясь к тому, что был в белой водолазке. Передо мной шесть футов четыре дюйма мышц, лицо, похожее на темную сторону луны, и такое выражение, которое сразу вызвало тревогу. — Вы только что нашли кольцо, оно принадлежит моей хорошей знакомой.

Оба остановились и посмотрели на меня.

— Твоя страховка включает услуги стоматолога? — мрачно спросил он.

— Стоматолога? — Я был крайне удивлен.

— Да. — У него был акцент Ист-Сайда. — Потому что, если сейчас не уберешься, он тебе понадобится.

Не знаю, что придавало мне сил, но я не двинулся с места.

— Мне поручено предложить вам две тысячи фунтов, если вы вернете кольцо, — выпалил я в отчаянии.

Взгляд гориллы заставил меня испугаться, что после его удара мои зубы провалятся так глубоко внутрь, что мне понадобятся услуги не только стоматолога, но и проктолога.

[Купить полную версию книги](#)